

Александра Маринина
Соавторы
Серия «Каменская», книга 25

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151114
Александра Маринина Соавторы: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08976-4*

Аннотация

Какая связь между тремя преуспевающими соавторами популярных романов и молодой женщиной, убитой в собственной квартире? На первый взгляд никакой, они даже не были знакомы. Но Анастасия Каменская знает, что людские судьбы порой сплетаются самым причудливым образом. И главная работа Насти – выявить эти связи, сделать тайное явным, невидимое – зримым. А это она умеет. И лишь после этой работы становится понятно, почему одного из соавторов ударили ножом, почему убили молодую женщину... А если понятно это, то нетрудно вычислить и преступников. Действительно, это уже несложно, это умеют многие...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Маринина

Соавторы

Глава 1

Им не было нужды скрывать свои встречи, все трое были давно знакомы, более того, их связывали в прошлом не только служба и общие дела, но и общие неприятности, а в настоящем – взаимная поддержка в непростом деле преодоления последствий тех самых неприятностей. Так что беседа нынешняя происходила не в конспиративной обстановке на какой-нибудь хитрой нейтральной территории, а на самой обычной даче одного из собеседников, в самое обычное для пребывания за городом время – в субботу, около пяти вечера, на свежем воздухе, возле дымящего мангала, установленного метрах в десяти от крыльца.

– Надеюсь, вы не забыли того журналиста, молитвами которого мы поимели столько проблем на наши головы? – как бы между прочим спросил хозяин дачи, вальяжного вида полный мужчина с массивной головой, гладкими щеками и блестящими выпуклыми глазами, похожий скорее на преуспевающего ученого мужа, нежели на бывшего начальника, под которым некоторое время назад с треском развалилось руководящее кресло.

– Забудешь его, как же, – сквозь зубы отозвался худощавый, очень высокий мужчина, ловко переворачивая над углями тонкие шампуры с нанизанными на них маленькими кусочками баранины.

Третьей в этой вполне заурядной компании была женщина лет пятидесяти с улыбочивым, но отчего-то казавшимся злым лицом, стройная и очень холеная. Она выглядела бы лет как минимум на восемь моложе, если бы не обильная незакрашенная седина в волосах. Она стояла, засунув руки в карманы легкой дорогой куртки, слегка покачиваясь с пяток на носки и разглядывая верхушки сосен, во множестве растущих на дачном участке. Казалось, она даже и не слышала произнесенных вполголоса реплик, однако это было не так.

– Но ведь он же... того... – равнодушно заметила она, не отрывая взгляда от едва колышущихся темно-зеленых мохнатых веток.

– Вот именно, – веско подтвердил Вальяжный. – Журналист-то того, а материалы его где?

– Опубликованы, – по-прежнему равнодушно произнесла Женщина.

– Только при его жизни, – возразил Вальяжный. – После его гибели ничего больше не публиковалось. И шума никакого не было. Какой из этого вывод?

– Значит, он больше ничего ни на кого не накопал, – подал голос Худощавый. – Что накопал – то напечатали. А потом все. К чему этот разговор-то? Нам ведь без разницы, что он там на кого еще нарыл, главное, что нас с вами он успел обгадить. Своя рубашка, как известно, к телу поближе, а чужие караваи мне лично без надобности. Если кто-то еще погорит после его смерти, так и пусть.

– Не стратег ты, друг мой, не стратег и даже не тактик, – покачал головой Вальяжный. – А если я вам скажу, что после гибели этого щелкопера осталась целая куча материалов, которые он не успел обработать и тиснуть в своей газетенке?

– Да и пусть. – Худощавый сделал неосторожное движение, обжег пальцы о раскаленную часть шампура и болезненно сморщил красивое тонкое лицо. – Нам-то что с того?

– Откуда известно про материалы? – В голосе Женщины послышался проснувшийся интерес. Она, в отличие от мужа, была и тактиком, и стратегом и невысказанную мысль Вальяжного уловила почти сразу. – И насколько эта информация достоверна?

– Суди сама.

Жестом фокусника Вальяжный достал из глубокого кармана просторного кожаного жилета, накинутого поверх светлой рубашки с короткими рукавами, книжку карманного формата в мягком переплете и показал Женщине обложку.

– Тебе это ни о чем не говорит?

– Абсолютно, – она пожала плечами. – Я такое не читаю.

– Я тоже не читаю, – усмехнулся Вальяжный. – А вот моя жена очень даже читает. И знаешь, что она мне сказала пару дней назад? Что в этой книжонке описан наш с вами общий знакомый из соседней области. Она его прекрасно помнит и узнала безошибочно. Имя, конечно, другое, а вот должность, описание внешности, привычки, манера говорить и даже некоторые его прегрешения – все совпадает в точности. Я не поверил, она мне закладочку сделала, чтобы я на ночь сам прочел.

– Ну? – поднял на Вальяжного встревоженные глаза Худощавый. – И что там?

– А то там! Я как дурак всю ночь книжку читал, куски информации сопоставлял, карандашом на полях пометки делал, с утра водителя послал в магазин, велел все книжки этой серии скупить и еще два дня, пока вы там жизнью наслаждались, просидел не разгибаясь, тексты смотрел. Осталась после этого сукина сына информация! Осталась! Только где она? Если бы ее нашли во время обыска у него дома или в редакции, мы бы уже знали об этом, шуму было бы выше крыши. А так – тишина. По версии мести за публикации нас с вами дернули по разику, и все заглохло. Следующим шагом должна была стать отработка версии предупреждения готовящихся публикаций, то есть начали бы месить всех тех, на кого он собрал материал, но еще не сдал в печать. И если бы следствие эту версию отработывало, то дело бы расследовалось до сих пор, потому что фигурантов – море. А следствие закрыто. Приостановлено. Я узнавал, это точно. И что самое любопытное, приостановлено уже давно, почти год назад.

– Почему приостановлено? – прищурилась Женщина. – Они что, не верят, что это был несчастный случай? Почему дело не прекращено за отсутствием состава?

– Видать, не верят. В несчастные случаи с журналистами никто почему-то верить не хочет, – снова недобро усмехнулся Вальяжный. – Несчастный случай может произойти с кем угодно – с дворником дядей Ваней, с олимпийским чемпионом, даже с разведчиком. Только не с журналистом. Если журналист умирает не своей смертью от продолжительной болезни, то непременно оттого, что боролся за правду, а его злые негодяи вроде нас с вами пытались остановить. Стереотип мышления, который сами же журналисты и насаждают. Дескать, такие они особенные, что, в отличие от нас всех, умирают исключительно на боевом посту. Ладно, это все пустое, друзья мои. Важно одно: версия о несчастном случае не прошла, а никаких других версий у следствия нет, все, что смогли придумать, проверили, больше проверять пока нечего, поэтому дело приостановлено. А раз они так быстро покончили с делом, всего за шесть месяцев, значит, собранные журналистом материалы пропали. Нет их у следствия. А у этих писак художественных – есть. И хотелось бы их получить.

– Зачем? – удивился Худощавый. – Для чего тебе?

– Не тебе, а нам. Всем нам, – спокойно осадил мужа Женщина. – Идея отличная, надо четко продумать план ее реализации. Скоро там у тебя? Не сгорит мясо?

– Еще пару минут. Можно накрывать на стол, – сообщил слегка обиженным тоном Худощавый, опытным взглядом окидывая шампур с бараниной.

– Вот и славно, – кивнула она. – Поедим молча, подумаем, а потом обсудим, что делать дальше.

Она снова закинула голову, устремляя глаза к успокаивающей темной зелени хвои, но успела перехватить брошенный на нее одобрительно-восхищенный взгляд Вальяжного. Этот взгляд она «прочла» совершенно безошибочно и привычно подавила удовлетворенную улыбку.

«Вот на ком мне надо было бы жениться. Ну да теперь уж поздно, у друзей отбивать жен негоже. Эх, не были бы мы с ним связаны давними отношениями, я бы...» – подумал Вальяжный.

Как многие мужчины в подобные моменты, он подумал в первую очередь о невозможности предательства мужской дружбы. Мысль о предательстве своих отношений с женой ему даже в голову не пришла.

* * *

– ...Таким образом, можно полагать, что статистическая модель личности преступников, совершающих кражи, не является достоверной. Это и приводит к тому, что мероприятия по предупреждению указанных преступлений, а также по их раскрытию оказываются малоэффективными. Проще говоря, наши знания неполны и мы на самом деле не знаем, кого ловить.

Настя перевела дыхание и уставилась глазами в царапинку на краю полированного стола. На этой стороне стола она была одна. Совсем одна, со всеми своими на первый взгляд спорными, но выстраданными многолетней работой в уголовном розыске взглядами. Напротив нее восседала комиссия по приему кандидатского экзамена по уголовному праву и криминологии. Вопрос по праву она отгарабанила без сучка и задоринки, в нем не было спорных моментов, все теоретические дискуссии закончились давным-давно, еще в шестидесятых годах, когда принималась новая концепция уголовного права. А вот с вопросом по криминологии дело обстояло не так гладко. Можно было бы, конечно, пересказать все то, что написано в учебниках и монографиях, но у Насти Каменской была своя точка зрения на все те выводы, которые основывались на анализе статистики. И если в учебнике, к примеру, утверждалось, что среди лиц, совершающих преступления, рецидивисты составляют двадцать пять процентов, она не могла, ну просто не могла заставить себя тупо повторить эту цифру, потому что цифра казалась ей более чем сомнительной. Сомнения эти распространялись не только на показатели рецидива, но и на многое другое, да что там на многое – практически на все. Единственным пригодным для анализа показателем в статистике Настя считала количество выявленных преступников, эту цифру нельзя было трактовать двояко, уж сколько поймали – столько и поймали, ни прибавить, ни убавить. Все остальные показатели имели отношение только к этим самым пойманным преступникам и вполне корректно их описывали. Ну и что? А что мы знаем о тех, кого не поймали? Может, среди них вообще все сплошь рецидивисты. Или наоборот... И вполне вероятно, что все они женщины, хотя официальная статистика уверяет, что женщин среди преступников всего-то процентов пятнадцать. И несовершеннолетних примерно столько же. За полтора десятка лет работы на Петровке Настя убедилась, что раскрытое преступление – совсем не то же самое, что преступление нераскрытое. Если преступление не смогли раскрыть, значит, оно чем-то отличается от того, которое раскрыть все-таки сумели. А поскольку любое действие, любой поступок несет на себе отпечаток личности, то логично предполагать, что все различия коренятся именно в личности преступника. Исполнитель преступления принципиально другой, поэтому и само преступление не раскрывается.

Она пыталась в лаконичной форме донести свою мысль до членов комиссии, но, по-видимому, не преуспела, поскольку на лицах докторов и кандидатов наук (числом шесть) читалось недоумение в равных пропорциях со скепсисом и благородным негодованием.

– Правильно ли я вас понял, Анастасия... м-м-м... – председатель комиссии полистал документы, – Павловна, что вы подвергаете сомнению все то, что написано за последние тридцать лет в учебниках криминологии? Не слишком ли смело?

Ну конечно, ничего иного она и не ждала. Сейчас ее попрут отсюда рваными грязными тряпками и с грохотом захлопнут перед ней дверь в науку. Довыпендривалась. Но, с другой стороны, ей обязательно нужно было озвучить свои соображения, потому что именно они должны будут лечь в основу ее диссертации, если, конечно, до диссертации дело дойдет. А ежели она не сдаст специальность, то может и не дойти.

– Я не подвергаю сомнению все, я говорю только о том, что основывается на анализе данных о раскрытых преступлениях и выявленных преступниках, – угрюмо ответила Настя, не отрывая глаз от царапинки на столешнице. – Если бы раскрываемость преступлений приближалась к ста процентам, у меня сомнений не было бы. И то только в том случае, если бы не существовало латентных преступлений. А они есть, и исследования показывают, что граждане не заявляют в милицию примерно о каждом третьем преступлении. Из каждых ста совершенных краж милиции становится известно только о семидесяти. Раскрываемость краж – не выше пятидесяти процентов, то есть раскрыли мы только тридцать пять эпизодов из ста реально совершенных. Это в самом лучшем случае. И имеем данные о ворах, совершивших только эти тридцать пять краж. А остальные шестьдесят пять? Что мы о них знаем? Ничего. Какие у нас основания полагать, что шестьдесят пять непойманных воров – точно такие же, как те тридцать пять, которых мы поймали? Никаких.

– Но тридцать пять из ста – вполне представительная выборка, – подал голос сидевший с краю молодой доктор наук, как раз тот самый, в работах которого Настя и вычитала данные о латентных преступлениях. – По тридцати пяти процентам мы имеем право судить о характеристиках всего массива. Вы, вероятно, не знакомы с основами социологии и статистического анализа.

Настя поняла, что дело совсем плохо, ей явно собираются ставить «неуд» и уличают в отсутствии элементарных знаний. Ну и ладно, сейчас она будет биться до последнего, а если уж не сдаст экзамен – что ж, не конец света, будет сдавать на следующий год. Напишет новый рапорт с просьбой прикрепить ее соискателем для сдачи экзамена и предпримет новую попытку. Жаль, конечно, ведь два других экзамена – по иностранному языку и филологии – она уже сдала на «отлично».

– Выборка в тридцать пять процентов может устроить тех, кого устраивает большая погрешность. Если при исчислении среднестатистических показателей возраста преступника меня устроит погрешность в десять лет, то можно опираться и на тридцать пять процентов. Если же я хочу, чтобы погрешность была меньше одного года, то выборка должна составлять от пятидесяти до шестидесяти процентов всего массива. Примерно, – на всякий случай добавила она. – Но это не главное. Главное в том, что выборка должна быть случайной, только в этом случае она может считаться репрезентативной. А я считаю, что эти злополучные тридцать пять процентов, если мы говорим о кражах, не являются случайной выборкой. Эти тридцать пять процентов – закономерность, понимаете? Мы ловим только тех, кого можем поймать. Только тех, на кого у нас хватает знаний и интеллекта. А оставшиеся шестьдесят пять процентов воров – они совсем другие. Конечно, по другим видам преступлений и цифры совсем иные, там иная латентность и иная раскрываемость, но общая идея остается. По статистическим данным мы можем судить только о выявленных преступниках и не имеем права распространять полученные выводы на весь массив.

В кабинете начальника кафедры уголовного права, где заседала комиссия, повисла пауза, правда, недолгая, но и не добрая.

– Можете быть свободны, – сухо произнес профессор-председатель. – Подождите в коридоре. Вы, кажется, последняя? Больше никого нет?

– Нет. Спасибо, – пробормотала Настя и выскользнула за дверь.

Их было четверо – один следователь, два работника центрального аппарата министерства и она, Настя Каменская, – четверо соискателей, которые сдавали сегодня кандидатский

экзамен по уголовному праву и криминологии. Трое «отстрелявшихся» раньше дружно вскинули на нее глаза: дескать, ну как, порядок? Она молча покачала головой.

– Что, совсем хреново? – сочувственно спросил молодой парень в кителе с петлицами следователя. – Ни на один вопрос не ответила?

– Ответила, – вздохнула Настя. – Но им мои ответы не понравились.

– Да брось ты, – ободряюще заговорил один из министерских аппаратчиков, – знаешь, как говорится, нравится – не нравится, спи, моя красавица. Главное, что ты отвечала. А если они не согласны, так это их проблемы, ты имеешь право на собственную позицию. Помнишь, как в одном кино говорили: лапай уверенно, тогда это называется точкой зрения. Ты говорила-то уверенно или мямлила?

– Не знаю... Кажется, мямлила. Себя же не слышишь со стороны.

– Если мямлила, тогда плохо, – вступил второй аппаратчик. – По собственному опыту знаю: если докладываешь уверенным тоном, то начальству любую туфту можно втереть. А если интеллигентничаешь, то самая правильная идея не проходит. Ну-ка я послушаю, чего они там обсуждают.

Он легко отстранил Настю, отодвинув ее к противоположной стене коридора, и прильнул ухом к двери. Через несколько секунд он, не поворачивая головы, махнул рукой в сторону своего коллеги из министерства и растопырил четыре пальца.

– Мне «хорошо» поставили, – радостно улыбнулся тот. – Пронесло. В праве я еще так-сяк, ориентируюсь, а в криминологии ни бум-бум.

Следующим жестом, выразившимся в хлопанье себя по груди и растопыривании тех же четырех пальцев, любитель подслушивать возвестил о своей оценке. Через несколько минут соискатели узнали, что молодой следователь получил «отлично». А дальше дело застопорилось... Аппаратчик хмурил брови, потирал затекшую в неудобном положении шею, шевелил губами, но руку с растопыренными пальцами все не поднимал. Наконец он отлип от заветной двери и подошел поближе к остальным.

– Чего ты им наговорила? – с любопытством разглядывая Настю, спросил он. – Какую крамолу?

– Почему крамолу? – растерялась она.

– А они там базарят насчет того, что тебя нельзя в аудиторию выпускать и что, дескать, если ты защитишься и пойдешь преподавать, то будет полная катастрофа. И еще насчет отца что-то. Что, мол, только из уважения к нему, и все такое. Ты что, дочка чья-то?

– Нет, – резко произнесла Настя, закусывая губу, – я сама по себе. Они меня с кем-то путают. Про оценку что-нибудь говорили?

– Мечутся между «удовлетворительно» и «неудом». Тот очкастый, с тонким голосом, очень хочет тебя завалить, сильно ты ему не понравилась со своей крамолкой, а председатель его папашей пугает. Остальных я по голосам не различаю. Но кто-то из них брякнул, что со статистическим анализом ты их все-таки умыла и за одно это тебе можно поставить «хорошо», еще он что-то про математику говорил, вроде как ты ее почему-то знаешь и это само по себе неплохо, а они на него сразу зашикали. Мол, не уважаешь труды основоположников и считаешь себя самой умной.

Значит, двойка. Или тройка, что одинаково противно, потому что оба предмета – и право, и криминологию – Настя знала хорошо. И еще противнее, что папу приплели. Ей сорок три года, она уже лет двадцать как перестала быть «дочкой Леонида Петровича», став сначала просто Настей Каменской из учетной группы, потом Каменской из отдела «того самого Гордеева», а к сорока годам превратившись в «ту самую Каменскую». У нее есть репутация, заработанная собственным горбом, собственными мозгами и собственным здоровьем. Она уже давно носит звание подполковника милиции, ее имя стоит в десятках приказов на премирование за раскрытие особо тяжких преступлений. И вот вам пожалуйста,

ей готовы поставить «удовлетворительно» на экзамене только из уважения к папе, который на самом деле приходится ей не родным отцом, а отчимом. Нет уж, спасибо вам большое, господа профессора, ставьте лучше двойку, только папу не вспоминайте.

Она отвернулась к окну и тупо смотрела на капли дождя, стекающие по стеклу. Текут себе, текут и горя не знают...

* * *

Как замороженный, он смотрел на стекающие по стеклу дождевые капли. Вот оно, материальное олицетворение неожиданной идеи, пришедшей ему в голову. Конечно, это была не полностью его идея, он сам такого никогда не придумал бы, он вычитал ее в некоторых книгах, случайно попавших к нему в руки. Ведь что такое дождевая капля на стекле? Существует круговорот воды в природе, это он еще в школе проходил на уроках природоведения, или как там этот предмет назывался? Есть на планете некая масса воды, часть ее испаряется, конденсируется, выпадает в виде осадков, потом снова испаряется... В общем, никуда не девается и окончательно не пропадает. Но когда эта вода проходит период своего существования в виде осадков, то вариантов может быть множество. Снежинка может упасть в сугроб и слиться с общей массой, полежать на холоде до весны в виде снега, потом растаять, испариться и подняться вверх. А может упасть на чью-то ладонь, дать кому-то в течение нескольких секунд насладиться своей красотой, изяществом и неповторимостью и превратиться в капельку холодной водички. Капельку сотрут носовым платком или салфеткой, потом салфетка высохнет, вода испарится, и все начнется сначала. И что ждет ее на следующем витке? Неизвестно. Может быть, она станет дождем, может быть, снова снегом, а может, росой, может, упадет на крышу дома, и тогда ее таяние и испарение – всего лишь вопрос смены сезонов, а может упасть в океан, и тогда ей еще много-много десятилетий или веков придется ожидать свой шанс, покоясь в многокилометровой толще воды. Она будет спокойно плавать, вспоминать, как была потрясающе красивой снежинкой, как лежала капелькой росы на лепестке ромашки, как на нее наступила бродячая собака, бежавшая через грязную лужу на окраине провинциального города. Потом собака тряхнула лапой, капелька воды отлетела и попала на разогретый солнцем камень... Может, ей и хотелось бы еще пожить в виде дождевой воды в луже, мимо люди ходят, звуки всякие, интересно, но тут уж, на горячем-то камешке, пришлось испаряться и начинать весь путь заново. А теперь вот она в океане живет. А что? Тоже интересно, в океане ей бывать еще не приходилось, тут растений много, рыбки разные плавают... Во всем есть своя прелесть и свой интерес.

Дождевая капля ползет по стеклу. Миллионы точно таких же капелек падают с неба, но лишь части из них удастся попасть на твердую поверхность, на оконное стекло, например, и стать видимыми для человеческого глаза. Окно не очень высокое, бывает метра полтора, даже и два, а бывает и совсем крохотулочное, и путь от места попадания на стекло до нижней рамы не так уж длинен. А дальше уж как повезет, либо скатываешься вниз и сливаешься с общей массой воды и ждешь своей очереди на испарение и начало нового витка, либо высыхаешь, обгоняя других на пути к новым приключениям. Но в любом случае ты не исчезаешь окончательно, вопрос только в том, как долго тебе придется пребывать в той или иной форме и как долго тебя сможет видеть люди. Форму можно уничтожить, а твою суть – никогда.

А разве человеческая жизнь – не то же самое? Плоть тленна, душа бессмертна...

Мысль пока неясная, нечетко оформившаяся, но все равно он будет ее продвигать, он от нее не откажется. И тогда они все узнают. И поймут. И оценят наконец.

* * *

Дверь открылась, в коридор выглянула секретарь комиссии.

– Товарищи офицеры, можете войти.

Объявление оценок шло быстро. Капитан Хромченко – «отлично», подполковник Татаинов – «хорошо», майор Суладзе – «хорошо», подполковник Каменская – «удовлетворительно». Стало быть, все-таки папа... Нет, так не пойдет.

– Я прошу вас поставить мне «неудовлетворительно», – спокойно произнесла Настя, понимая, что терять все равно нечего.

Объявлявший оценки председатель комиссии тяжело вздохнул, всем своим видом говоря, что вот если бабе господь ума не дал, то это проявляется абсолютно во всем. И ответы у нее дурацкие, и поведение такое же.

– Почему, позвольте спросить? – устало произнес он.

– Потому что я знаю криминологию лучше, чем удовлетворительно. И мои ответы произвели на вас неблагоприятное впечатление не потому, что я не знаю предмета, а потому, что я не сумела подготовиться и продумать убедительные аргументы, чтобы довести до вас свою точку зрения. Я прошу вас дать мне возможность пересдать экзамен, я еще раз продумаю свои логические построения, чтобы в следующий раз члены комиссии поняли ход моих рассуждений.

– Вы считаете нашу комиссию недостаточно научно подготовленной и рассчитываете, что в следующий раз вам повезет больше? – насмешливо поддел ее один из членов комиссии. – То есть мы тут все тупые, а в другой комиссии вас будут ждать гении, чье интеллектуальное развитие соответствует вашему? Довольно смелое заявление, должен вам заметить.

– Я считаю свой ответ абсолютно правильным, но недостаточно аргументированным и плохо сформулированным, – твердо ответила она.

– Странная у вас логика, – пожал плечами председатель.

– Она не странная, она просто не такая, как у вас. Именно поэтому мужчинам-сыщикам легче и проще ловить мужчин-преступников. Логика женщин-преступниц они не понимают, поэтому не могут их поймать. Кстати, именно поэтому я не могу доверять статистическим данным о соотношении женщин и мужчин среди преступников. На самом деле женщин-преступниц намного больше, чем нам кажется.

Настя чувствовала, как острый локоть майора Суладзе впивается ей в бок, слышала его слова, выдавленные шепотом сквозь зубы: «Ты что, спятила? Заткнись немедленно!», но ничего не могла с собой поделать. Злость на себя за неумение внятно изложить свою точку зрения, злость на членов комиссии, поставивших ей тройку из уважения к отчиму, и стыд за то, что она эту злость испытывает, и недовольство собой за то, что ей стыдно, – все эти эмоции смешались в один невообразимый клубок и заставляли ее делать вещи, в общем-то, ей несвойственные. Настя Каменская никогда не была борцом, особенно за свои права.

Стены кабинета сотрясались от хохота. Первым засмеялся тот, кто писал научные труды о латентной преступности. Следом за ним прыснул и зашелся смехом председатель. Через пару минут хохотали все, кроме Насти, которая понуро ждала своей участи.

– Вот так бы и сказали с самого начала, – отсмеявшись, одобрительно сказал председатель. – Такие аргументы просты и понятны. Запомните, товарищ подполковник, самые сложные идеи в науке – те, которые можно объяснить самыми простыми словами. Если простыми словами не получается, значит, идея ущербна. Вы молодец, что не растерялись и сумели в последний момент собраться. Это вам очень пригодится на защите диссертации, если вы собираетесь в ней отстаивать эти свои убеждения. На ученом совете вам придется нелегко,

так что я вам заранее сочувствую. И вам повезло, что я еще не проставил оценки в ведомость. Полагаю, члены комиссии не будут возражать, если мы поставим вам «хорошо».

Члены комиссии не возражали. Но Насте отчего-то стало еще более противно. Как будто она выклянчила эту оценку или получила обманным путем.

– Ну чего ты киснешь? – тормозил ее неунывающий Суладзе. – Хорошую же оценку получила, а вид у тебя такой, словно все умерли. Поехали с нами, посидим, отметим, а?

Настя согласилась было, но в последний момент передумала и поехала домой. Ребята, с которыми она сдавала экзамен, ее настроения не понимали, но Лешка-то поймет непременно.

И он действительно понял.

– Асенька, ты же помнишь замечательное выражение твоего папы: нет плохой погоды, погода всегда хорошая, если правильно одеться. Нет плохих оценок, оценка всегда хорошая, надо только правильно к ней относиться. Ты не была готова к тому, чтобы излагать свои неординарные идеи группе ученых. Ты не подготовилась, твои идеи казались тебе самоочевидными, и ты не проработала систему аргументации, чтобы рассказывать о них доходчиво, убедительно и в то же время деликатно. Деликатно, Асенька! Потому что ни один ученый, даже очень продвинутый и демократичный, не потерпит, когда приходит вот такая девочка с улицы, не имеющая ни одной публикации и не прожившая в науке ни одного дня, и начинает ниспровергать основы и учить его жить. Ты проявила, мягко говоря, отсутствие ума, предусмотрительности и деликатности, девочка моя, но даже в этих обстоятельствах ты ухитрилась заработать положительную оценку. А это о чем говорит?

– О чем? – послушно переспросила Настя, слушавшая мужа как замороженная.

Леша произносил именно те слова, которые так были ей нужны. Он называл вещи своими именами, не пытаясь спрятать ее недостатки и выпятить достоинства, он говорил в равной мере о тех и о других и поэтому выглядел объективным и убедительным. Настю же захлестывали эмоции, и, ругая себя последними словами за те оплошности, о которых упоминал Леша, она забывала о положительной стороне дела, а пытаясь утешить себя и думать только о положительном, тут же бранила себя за слепоту и необъективность.

– Это говорит о том, что идеи твои могут быть восприняты научной общественностью, что они не бредовые, что за ними стоит мысль, гипотеза, оригинальная и правдоподобная. Ведь члены комиссии тебя поняли в конце концов! Когда ты привела простой и внятный пример, все тебя прекрасно поняли. А пока ты умничала и играла наукообразными словами, ты вызывала у них только раздражение. Потому что любой человек, проработавший в науке больше пяти лет, отлично знает, что наукообразие в девяноста процентах случаев используется для маскировки отсутствия мысли. Или для маскировки собственного страха показаться слишком простым и не очень ученым. Ты прекрасно знаешь криминологию, и, если бы ты не допустила тактическую ошибку, если бы позаботилась заранее о том, чтобы продумать свои ответы и придать им приемлемую и понятную форму, ты бы сегодня получила «отлично». За огромную ошибку ты расплатилась всего лишь одним баллом, а ведь за такие ошибки люди, случается, платят куда дороже, и ученой степенью, и неизданными монографиями, и потерей должности. Так что ты легко отделалась. Ну, я тебя успокоил?

– Успокоил, – она потерлась щекой о мягкую пушистую шерсть Лешкиного свитера. – Но на работе меня все равно с опилками смешают. Все ведь думают, что я такой крутой специалист... Засмеют.

– Ася! Ну я что тут, напрасно разорвался битый час? Ты меня внимательно слушала, даже вон цветную капусту всю свертенила на нервной почве, пока я тебе объяснял, как надо относиться к твоей оценке, и где результат? Ты что, не поняла ничего?

– Ой, Леш, да все я поняла. Ты прав кругом и на триста шестьдесят процентов. Но мне все равно неловко перед ребятами за эту четверку. Что они обо мне подумают?

– Они подумают, что ты получила четверку. Больше они не подумают ничего. Не надо, Асенька, думать за других людей и заранее бояться того, что они подумают. Вон Зарубин твой никак Гулю на себе не женит. Ты что по этому поводу думаешь?

– Что он не может уговорить ее выйти замуж, – засмеялась Настя. – Больше ничего не думаю. Что мне, думать не о чем?

– Вот и им есть о чем подумать, кроме твоего экзамена. Выбрасывай глупости из головы и вставай к раковине, мой посуду, вытирай ее и расставляй по местам. Сделай для семейной жизни что-нибудь полезное. Потом еще можешь погладить, у нас уже два месяца до утюга руки не доходят, все, что машина настирала, кучей валяется. Давай-давай, займись делом.

Гладить ей не хотелось. Мытье посуды она уж как-нибудь переживет, но от вида утюга и гладильной доски Настю охватывал ужас. Ничего, однако, не поделаешь, придется заниматься бельем. Может, продолжить Лешкину мысль и перенести ее с погоды и оценок на нудную работу? Не бывает тягостной домашней работы, домашняя работа всегда приятна, если правильно к ней относиться. А правильно – это как?

Цепь рассуждений увлекла ее, и хотя Настя так и не придумала формулу, при помощи которой можно было бы страстно полюбить процедуру глажения пересохшего белья, однако к концу активной мыслительной работы она с удивлением обнаружила, что все перегладила.

* * *

Началось все с борща. В этом восьмидесятитрехлетняя Глафира Митрофановна была совершенно уверена. Ну, почти совершенно... Потому что до борща был еще мальчик, попавший под машину. А может, и правда все началось именно с мальчика, а борщ – это уже продолжение. Хотя каким образом эти два события могут быть связаны, Глафира Митрофановна не представляла, как ни напрягала воображение. С одной стороны, вроде бы погибший под колесами автомобиля мальчик к ней лично никакого отношения не имеет, а борщ – имеет, и самое непосредственное, потому как она самолично его готовила в тот день прямо с утра, и то, что произошло потом, покрыло ее, как она полагает, несмываемым позором.

Но с другой стороны, может, с борщом все так и получилось из-за этого мальчика? Кто его разберет...

Поднялась она, как обычно, в пять утра. Всю жизнь свою долгую Глафира Митрофановна позже пяти в кровати не валялась, даже и в выходные. Привыкла. Наверное, когда у мамки в деревне жила, так годиков до трех-четырёх спала сколько хотела, но этого она не помнила. А вот то, что с пяти лет вставала вместе со старшими братьями и сестрами, помнила отчетливо. Воду носить из колодца тогда еще не могла, а скотину выгнать, курам задать и полы намыть во всей хате – это на ней. Когда Глаше исполнилось тринадцать, отправили ее в город к дальней родне, и даже не их это была родня, а бабы-Дусина, что через две хаты живет. Каким-то людям в Москве нянька понадобилась за ребенком смотреть, вот баба Дуся и присоветовала им работающую сметливую соседскую девчонку, которая к своим тринадцати не только полной помощницей по дому стала, а еще и четверых младшеньких подняла, так что по части обращения с младенцами понимание имела.

Определили ее в семью медицинского профессора с женой и двухлетним сыном. Сам-то профессор, понятное дело, к домашним делам не приспособленный, из бывших, видать, барин, одним словом, а жена у него хорошая была, с первого взгляда Глаше понравилась, красивая, чернявая не по-славянски, нос с горбинкой, глазищи огромные, яркие, а сама-то тонюсенькая – талию ладонями обхватить можно, даже и непонятно, она ли этого ребеночка рожала, одним словом, неземная красавица. И не чванливая, не капризная, ты, говорит, Глашенька, только за маленьким смотри, потому как я дома сидеть не могу, мне отлучаться часто

надо, я ведь актриса, в театре служу, днем репетиции, вечером спектакли, а то и гастроли случаются, а с уборкой-готовкой я как-нибудь сама справлюсь. Уж как там хозяйка собиралась сама справляться при такой-то работе, Глаша не понимала, и вскоре выяснилось, что была в своем непонимании абсолютно права. Только три денечка и побыла Глафира «чисто нянькой при младенчике», а потом быстро и сноровисто взяла в руки все хозяйство.

Так она и ведет это хозяйство до сих пор. Семьдесят лет подряд. Хозяин-профессор в Отечественную погиб, оперировал где-то в полевом госпитале, их и разбомбило. Хозяйка-красавица, народная артистка, дольше прожила, померла уже при Брежневке, в семьдесят девятом. А сынок ихний Глебушка сколько ни женился, сколько детей ни заводил, а все одно продолжает в той же квартире жить под ее, Глашиным, крылом. И не глядит она, что Глебушке самому-то уже семьдесят два, и что знаменитый он, и богатый, и привычки у него отцовские, барские. Для Глафиры Митрофановны известный на всю страну писатель Богданов, лауреат и все такое прочее, – все тот же Глебушка неразумный да непослушный, которого она вынянчила, вырастила, выпестовала и будет опекать, покуда ноги носят. А носить ноги-то ее будут, дай бог, еще долго, здоровья ей не занимать, и сил покамест предостаточно.

Конечно, многое за те семьдесят лет переменилось, если первые лет пятнадцать она при семье жила, то в сорок восьмом, уже после войны, народная артистка Богданова, вдова героически погибшего профессора-хирурга, ей жилье отдельное выхлопотала – комнату в малонаселенной коммуналке. Не дело это, говорит, Глашенька, чтобы ты всю жизнь в чужих людях жила, Глебушка большой уже, ему семнадцать стукнуло, в институт поступать будет, а тебе своя семья нужна, муж, дети. Глаша тогда перепугалась насмерть, подумала: не угодила чем-то, вот и гонит ее хозяйка. Но ошиблась. Земфира Эльхановна вовсе не собиралась отказываться от услуг домработницы, просто хотела устроить ее получше. Всякое в жизни Глафиры происходило с тех пор, но одно не менялось: жила на два дома. Свою комнатку в коммунальной квартире обустроила, обуютила, ночевала то там, то в хозяйском доме, благо комнат в нем несчитано, при Сталине профессоров уважали и жильем обеспечивали как положено. Мужья у нее были, даже двое, а детей вот бог не послал, да и мужья-то оказались какими-то никудышными, пьющими, до работы неохочими. Одного она выгнала, другой сам помер от водки. Так что никакой другой семьи, кроме хозяйской, у нее в Москве, считай, и не было.

Ну так вот, в тот распроклятый день поднялась Глафира Митрофановна в пять утра, за окном темень, осень ведь как-никак, и принялась за привычную работу. Ночевала она в тот день у хозяев (она так и мысленно по привычке говорила: «у хозяев»), хотя хозяин теперь уж был только один – Глебушка, Глеб Борисович Богданов), так что старалась особо не шуметь, чтобы сон писательский ненароком не потревожить. Сегодня среда, стало быть, в двенадцать часов явятся Катерина и Васечка, среда и суббота – их дни. Случается, что и в другие дни они собираются, если Глебушка потребует или для дела надо, но уж в среду и субботу – непременно, так с самого начала повелось. Значит, обед надо на троих готовить.

Глебушка спит допоздна, потом уходит на прогулку, здоровье бережет, и правильно, а то сидит целыми днями, над рукописями своими корпит, так и болезнь какую-нибудь зловредную высидеть недолго. И то сказать, сердечный недуг-то он себе заработал, все переживал, переживал, страдал, бедняжка, вот и сердце теперь больное. А от сердца, уж всем известно, одно лечение: покой да пешие прогулки. Ну, покоя Глебушке не видать, так хоть прогулками свое берет. Каждый божий день встает, завтракает и два часа гуляет, хоть дождь, хоть снег, хоть что. Глафира Митрофановна такой порядок одобряет, она смолоду приучена к режиму, чтобы все всегда происходило в одно и то же время и одинаковым порядком. Если что-то меняется или происходит не так, как обычно, она нервничает и беспокоится, как-то неуютно ей делается, будто земля из-под ног уходит. Но случается такое редко, Глебушка сам сторонник твердых правил и неожиданностей не любит.

Обед Глафира Митрофановна, стало быть, сготовила с утрачка пораньше, Глебушку завтраком накормила, гулять его отправила и сама за покупками собралась. Вот ведь память-то дырявая стала, ведь с вечера еще подумала, что среда, что Васечка с Катериной придут, и надо бы Васечкины любимые слойки с яблоками сделать, да и пампушки к борщу полагаются испечь, а дрожжи-то и не проверила. Кинулась утром тесто ставить и обнаружила, что дрожжей нет. Закончились еще в тот раз, когда она кулебяку с мясом пекла. Спустилась в магазин, который в том же доме, маленький такой магазин, выбор не особо богатый, но была надежда, что там дрожжи будут. Надежда не оправдалась. В двух продуктовых магазинах побольше – один на соседней улице, другой в противоположной стороне, рядом с метро – их тоже не нашлось. Глафира Митрофановна закручинилась было, отказываться от своих задумок она не любила, раз уж решила Васечку слойками побаловать, то не отступит. И поехала к себе домой. Она точно помнила, что дома в холодильнике лежит палочка дрожжей, буквально два дня назад ей на глаза попадалась. Беспокоило только, что не успеет обернуться к возвращению Глебушки с прогулки, а он привык, как войдет, сразу кофе пить и газеты читать, которые с прогулки приносит. И если Глаша кофе не подаст, он будет недоволен.

Но она успела. Буквально на пять минут раньше хозяйина вернулась, так что все обошлось.

Глебушка пришел в хорошем настроении, бодрый, посвежевший на прохладном осеннем воздухе, и Глафира Митрофановна привычно и упоенно залюбовалась своим питомцем: какой же он красивый, ее мальчик, ее Глеб, статью в отца пошел, а лицом – в мать-азербайджанку, нос, глаза, брови, изящно изогнутый рот, ну вылитая Земфира-покойница, она-то знатная была красавица, недаром же народная артистка. Земфиру Эльхановну старая Глафира всегда вспоминала с теплотой и нежностью, а вот мужа ее, профессора-хирурга, и не вспоминала почти. Да и какие уж там особые у нее могут остаться воспоминания о человеке, который с тридцать третьего года, когда Глаша в Москву приехала, и до самой Отечественной дома только ночевал, и то не каждый раз, приходил усталый и молчаливый, уходил чуть свет, подолгу жил на даче в Серебряном Бору, когда остальная семья в городе, и, наоборот, частенько оставался в Москве, когда семья выезжала на дачу. Неладно у него было с женой, Глаша это чувствовала, но в хозяйские дела не влезала. А уж как Отечественная началась, так Глашу с Земфирой и Глебушкой сразу в эвакуацию отправили, вместе с театром, и больше она хирурга того не видала.

Она сварила кофе, размолот зерна в ручной мельнице, как Глебушка любит, подала булочки со взбитыми сливками, бросила взгляд на большие настенные часы: без двадцати двенадцать, скоро Васечка придет, а за ним и Катерина, она никогда не приходит вовремя, вечно опаздывает, хоть на несколько минут – а опоздает. Глебушку только нервирует своей непунктуальностью. Глафира очень гордилась тем, что выучилась когда-то без запинки и к месту произносить это длинное и корявое слово. Снова бросила украдкой взгляд на часы: хорошо бы Васечка пришел чуток пораньше, ну хоть бы без десяти, пока Глебушка еще кофе пьет, кофейник и булочки на столе стоят, тогда Васю непременно угостят, Глебушка вежливый, хорошо воспитанный, не станет один лакомиться, когда гость в доме. У Глебушки все по минутам расписано, и ровно в двенадцать стол будет девственно чист, а сам он готов к работе. Васечка, деточка, вечно голодный ходит, некому его кормить, один-одинешенек при живых-то родителях. А все Катерина виновата. Из-за нее все вышло.

Хитрость с угощением раньше времени прибывшего Васи не удалась, молодой человек явился в три минуты первого, Глаша уже собралась было прямо в передней тайком сунуть ему булочку со сливками, но тут и Катерина подросла. Теперь до самого обеда жужжать будут у Глебушки в кабинете. Одно слово: проект. И чего там мудрить-то? Писал Глебушка всю жизнь свои книжки, и деньги были, и почет, и слава. Вот и писал бы, как прежде. Зачем ему Вася с Катериной? Одна только морока с ним, с проектом этим.

Дверь в кабинет Глеб Борисович почти никогда не закрывал, у него потребности к уединению не было, зато была нервная неприязнь к скученности, и, когда в его кабинете находился, кроме него самого, еще хотя бы один человек, ему начинало казаться, что тесно и нечем дышать. Глафира тихонько сновала по квартире, занимаясь повседневными делами и стараясь не шуметь. С одной стороны, Глебушке не помешать бы, но с другой – любопытно послушать, чего они на этот раз обсуждают.

– Я придумал совершенно гениальную фишку, – это Васечка говорит, любимчик ее. – Вот послушайте. Маленький мальчик попадает под машину, умирает, и его душа разговаривает с богом. Боженька спрашивает, чего, мол, так рано, пожил бы еще, погулял, а мальчик отвечает, что ему стало скучно, что жизнь сына этих конкретно родителей он уже испытал...

– Стоп, стоп, стоп! – Голос у Глебушки недовольный, брезгливый даже. – Это еще что за байки? Какое это имеет отношение...

– К сюжету – никакого. Но у нас же есть герой, который пишет пьесы, вот пусть он и пишет про мальчика и его душу. Вы только послушайте, там все совершенно дивно складывается, просто потрясающая фишка...

Глафира аж вздрогнула. Ну как это такое может быть, чтобы маленький мальчик попал под машину и умер и чтобы после этого что-то там дивно складывалось? Не дело Васечка говорит, не дело, хоть и любит она его, и жалеет, и подкормить старается лишний раз, но одно дело опекать и жалеть, и совсем другое – на безбожные глупости глаза закрывать.

– Глеб Борисович, ну какая вам разница, о чем будет новая пьеса этого персонажа? Все равно у нас с вами по плану убийство режиссера, который ставит пьесу, мы заложили в сюжет как минимум пять эпизодов театральных репетиций, значит, все равно придется описывать, что это за пьеса и о чем она, и еще... – Глафира услышала, как зашелестели странички. – Вот еще, три сцены, когда режиссер обсуждает ход работы над новым спектаклем: один раз с женой, один раз с любовницей, и еще эпизод с завтруппой.

– Мы уже решили, что режиссер у нас ставит Шекспира, – перебил Богданов. – И три главы написаны именно об этом.

– Ну так перепишем, большое дело, – возразил Вася. – Хотите, я сам перепишу?

– Ну да, ты перепишешь, – язва Катерина не могла не вмешаться, – таким стилем, что читать невозможно.

– У вас, дорогая Катрин, стиль не лучше, – огрызнулся Вася.

– Согласна. Я тоже стилем не блещу, именно поэтому тексты у нас пишет Глеб Борисович. И вообще, Васенька, мальчика, попадающего под колеса автомобиля, редактор не пропустит. Ты что, забыл, что у нас в контракте записано? В наших романах не должно быть никакого избыточного насилия и неоправданной жестокости, и особенно это касается гибели детей. Сто раз уже обсуждали, мог бы усвоить.

– Ну ладно, – неожиданно легко согласился Василий, – не хотите – как хотите. Давайте ставить Шекспира.

– Ты домашнее задание выполнил? – строго спросил Глеб Борисович. – В общежитии студентов театрального вуза побывал?

– Выполнил. Побывал. Прикажете отчитаться?

Глафира Митрофановна на какое-то время выпала из процесса подслушивания: распеживалась. Да как же так? Мыслимое ли дело – дите малое под колеса бросать? Да еще про разговоры с боженькой... Разве Васечка может про это придумывать? Чего он в божеском понимает-то? В церкви небось ни разу не был, Святое Писание не читал, молитвы ни одной не знает. Сама Глафира особой набожностью не отличалась, все-таки с тринадцати лет в городе жила, где бога не признавали и не чтили, и в церковь не ходила, и посты не соблюдала – у Богдановых не принято было, и праздники все перезабыла уже, только Рождество да Пасху помнила. Однако же то, что успела впитать в родительской семье, частично

сохранилось в ее душе в виде представления о том, что ежели не веруешь истинно, так и не смей о божественном рассуждать. Не знаешь, не понимаешь – и молчи тихонечко.

Внезапно она ощутила какую-то... не то обиду на любимца Васечку, не то досаду, что ли. Ведь это же надо, она к нему со всей душой, жалеет, сочувствует, а он, оказывается, вон какой... Ничего более внятного она сама для себя сформулировать не смогла, но остался в душе мутный нехороший осадок и от того, что услышала, и от того, что почувствовала.

В три часа, как и положено, подала обед. Сперва закуски – салат и заливное из судака, потом борщ с чесночными пампушками. От мыслей о погибшем мальчике и разговорах его души с богом она так и не отошла, посему пребывала в глубокой задумчивости и делала все автоматически, не глядя.

Васечка первым схватил горячую пампушку, жадно впился в нее зубами, зачерпнул ложкой дымящийся борщ, отправил в рот...

– Баба Глаша, что-то у вас сегодня с супом не то, – озадаченно произнес он. – Прокис, что ли?

– Да как прокис, когда с утра варила? – возмутилась Глафира Митрофановна. – Чего ты выдумал?

В этот момент Катерина тоже съела первую ложку и задумчиво покачала головой.

– Правда, Глафира Митрофановна, вкус какой-то странный. Может, вы по новому рецепту готовили?

– Ничего не по новому, как всю жизнь варила, так и сегодня. Может, сметана слишком кислая? Я пожирней брала, сорок процентов, она кислой не бывает, но, может, порченую подсунули. Глебушка, ну-ка ты скажи, ты еще сметану не клал, – обратилась она к Богданову.

Тот долго не решался попробовать, сперва принохивался, поднеся ложку к самому носу, потом сделал маленький глоточек.

– Ты, Глаша, сама попробуй. – По его тону ничего понять невозможно, то ли вкусно ему, то ли нет. – Но мне кажется, с супом действительно не все в порядке.

Кипя от негодования, Глафира выскочила из комнаты, прошла в кухню, зачерпнула половником из кастрюли и сделала основательный глоток горячей жидкости. Но прежде чем вкусовые рецепторы донесли информацию до мозга, наметанный глаз ее заметил крохотные пузырьки на поверхности разогретого борща – верный признак того, что варево действительно прокисло. Но как же это может быть? Ведь варила только сегодня... Помидоры – они, конечно, кислоту дают, и ежели б кастрюлю на ночь на плите оставили, то за сутки борщ мог и прокиснуть, не обязательно, но мог. Но чтобы за несколько часов, да осенью, а не в летнюю жару... Сроду такого не бывало.

– Ну что, Глафира Митрофановна? – слышался совсем рядом голос Катерины, которая появилась в кухне с подносом в руках. На подносе – три полные тарелки с борщом. – Убедились?

– Сама не пойму, – растерянно пробормотала старуха, – никогда в жизни у меня такого не было. Позор-то какой!

– Да что вы, ну какой в этом позор! Со всеми бывает. Ничего страшного.

– Почему же он прокис-то?! – в отчаянии выкрикнула Глафира.

– В кастрюлю грязь могла попасть, вот и прокис. Не переживайте вы так.

– Так откуда же грязь-то возьмется, Катерина? У меня тут все стерильно, ты ж посмотри сама, все сверкает, нигде ни пылиночки, пол языком можно лизать, по несколько раз в день влажной тряпкой протираю.

– А овощи, Глафира Митрофановна? Вы в борщ картошку положили, свеклу, лук, капусту, они же с рынка, а не из стерилизатора, может, недоглядели где-то, грязь и попала.

– Я недоглядела?! – взвизгнула Глафира. – Это я-то недоглядела?! Ты что ж, намекаешь, что я слепая стала, никудышная? Да у меня зрение получше твоего будет! И руки не дрожат, и глаза не подводят. Не моя вина, что борщ испортился!

– Ну хорошо, хорошо, не ваша, – примирительно улыбнулась Катерина. – Не надо так волноваться. Не ваша вина.

Глафира согласно покивала головой и внезапно уставилась на собеседницу в некотором недоумении.

– А чья ж тогда? Не моя – это точно. Но если не моя, то чья?

И стремглав выскочила из кухни.

* * *

– ...Глебушка, позвони немедленно в милицию, пусть отправят борщ на экспертизу!

– На какую экспертизу, Глаша, опомнись...

– Вы, баба Глаша, слишком детективами увлекаетесь. Ну прокис суп – делов-то!

– Не может быть, чтоб моя вина была! Меня почти два часа дома не было, пока ты гулял, я по магазинам ходила! Мало ли кто мог заявиться и отраву в кастрюлю кинуть!

– Глаша, возьми себя в руки, что ты несешь? Ну кто мог заявиться? Кому надо кидать отраву в борщ? Ты же не хочешь сказать, что меня, или тебя, или Васю, или Катерину кто-то хочет отравить?

– Ты сам знаешь, что я хочу сказать!

– Глаша! Прекрати немедленно. Вылей борщ в сортир, и чтобы я больше ни слова об этом не слышал!

– Ну правда, Глафира Митрофановна, не нужно из мухи слона делать. Обычная бытовая неурядица, при чем тут милиция?

– А при том, что не мог борщ ни с того ни с сего прокиснуть! Я в этом доме семьдесят лет готовлю, и ни разу у меня ничего не портилось. Неспроста это все. И ты, Глебушка, не смотри на меня так, я знаю, что говорю. И ты знаешь.

– Ладно, все, обсуждение закрыто. Глаша, подавай второе. Я с тобой потом отдельно поговорю...

* * *

– Фу-ты, господа, сколько шума они развели из-за борща, – поморщился мужчина, сидящий в машине неподалеку от дома, где жил Глеб Борисович Богданов, отодвигая в сторону наушник. – И ни слова о том, что нас интересует.

– Подожди, вот они пообедают и снова начнут обсуждать книгу. – Женщина ласково погладила его по плечу. – Не нервничай, Слава, мы только первый день их слушаем.

– Ты забыла, что мы не можем слушать их каждый день, – раздраженно отозвался тот. – Они собираются для обсуждений два раза в неделю, и если сегодня мы ничего не узнаем, придется ждать до субботы. А потом снова до среды. Время идет...

– Славик, но у нас есть шанс... Если это сам Богданов, то он может что-нибудь сказать в телефонном разговоре. Или к нему придет кто-нибудь. Понимаешь? Надо слушать его квартиру постоянно.

– Шанс, шанс... – проворчал Слава. – Тридцать три процента – не такой уж большой шанс.

– Но и не такой уж маленький. Мы ведь только начали, не надо раньше времени впадать в отчаяние.

– Не успокаивай меня, пожалуйста, Лиза. Они начали в двенадцать и в три прервались на обед. И что они делали три часа? Сначала обсуждали какую-то бредятину про мальчика и бога, потом слушали подробный доклад о порядках и нравах в общежитии студентов Щукинского училища. И все. Ни одного полезного слова. И совершенно неизвестно, когда они дойдут до собственно расследования убийства, они, кажется, даже еще не придумали, как именно убьют этого своего режиссера.

– Кстати, насчет погибшего мальчика, – задумчиво проговорила Лиза. – Я уже где-то нечто подобное читала... Не могу вспомнить где. Что-то переводное, кажется, с английского... Этот юный гений – банальный плагиатор, пользуется тем, что люди такого склада, как его соавторы, подобную литературу не очень-то читают, у них воспитание атеистическое, вот он и заимствует идеи из модной эзотерической литературы.

– Да фиг с ним, – махнул рукой Слава, – какая нам разница, у кого он идеи ворует? Нам другое важно.

– Ты не прав, – тихо возразила его жена.

– Почему это?

– Потому что если он в принципе ворует чужие идеи, то это стиль поведения. Понимаешь? А это и есть то, что нам важно. Ну, что там у них?

– Едят. Вернее, уже пьют чай.

– А разговаривают о чем?

– О чем, о чем... О борще, о чем же еще, будь он неладен, – проворчал он. – Старуха совсем сбрендилла, только о милиции и твердит. Неужели правда этого Богданова кто-то может хотеть отравить? Кому он нужен, старый пень?

* * *

Они вышли на улицу вместе, как обычно. Катерина двинулась к своей машине, Василий замешкался у самых дверей подъезда, словно решая, в какую сторону идти.

– Где твой драндулет? – спросила она, окинув взглядом улицу и не обнаружив знакомых желтых «Жигулей».

– Так ведь драндулет же, – пожал плечами Вася. – Где ему и быть, как не в очередном ремонте.

– Вась, ну почему ты не купишь нормальную машину, а? Тебе что, денег не хватает?

Он промолчал, снова пожав плечами.

– И куда только ты их деваешь? – вздохнула Катерина.

– Можно подумать, мне платят бешеные бабки, – огрызнулся Василий.

– Вася, не забывай, что по основной профессии я все-таки бухгалтер и деньги считать умею. Уж на машину-то приличную их всяко должно было хватить. Ты что, в казино играешь?

– Да ну вас, Кэт, выдумаете тоже. И вообще, это что, бухгалтерская привычка – считать чужие деньги?

Она остановилась возле машины, достала ключи.

– Давай я тебя подвезу хотя бы до метро.

Он кивнул и сел на переднее сиденье. Вообще-то до ближайшей станции метро было совсем недалеко, всего пять минут пешком, и Катерина, как всегда в подобных случаях, доведет его не до этой ближней станции, а до «Менделеевской», ей по пути, а ему останется проехать всего восемь остановок без пересадок.

– У тебя еда дома есть? – спросила она.

– Куплю. Не проблема.

– Вась, не сиди голодным, ладно? Отец переживает, боится, что ты язву себе наголодаешь. Питаешься ведь черт знает как. Лень самому приготовить – ходи в кафе или в ресторан.

– Откуда у вас эти барские замашки, уважаемая Китри?

Катрин, Кэт, Китри. А еще Китти, Катарина и Кэто. Так повелось с самого начала, когда десять лет назад она выходила замуж за Васиного отца. Василию тогда было восемнадцать, ей – тридцать два.

– Называть вас тетей Катей – смешно, а Екатериной Сергеевной – напыщенно, – заявил тогда юноша. – Надеюсь, у вас хватит чувства юмора на восприятие моих собственных вариаций вашего имени.

– Хватит, хватит, – завершила его она...

Прошло десять лет. Из утыканного иглами сопротивлению окружающему миру паренька Василий превратился в странноватого молодого человека, прошедшего армейскую службу, не получившего никакого законченного образования и уверенного в собственной гениальности. После развода родителей он почти сразу ушел в армию, потом немножко пожил с матерью, всего пару месяцев, и, убедившись, что та ведет интенсивную личную жизнь, легко уговорил ее и отца давать ему деньги на аренду квартиры. Начав получать гонорары за участие в проекте, он оплачивал эту квартиру самостоятельно. По подсчетам Катерины, он вполне мог бы купить не только подержанную иномарку, но и недорогую квартиру, не в центре Москвы, конечно, но приличную и, главное, собственную. Однако Вася продолжал ездить на старой отцовской машине, жить в дешевой съемной квартире где-то в самом конце Алтуфьевского шоссе и одеваться отнюдь не в бутиках. Куда он деваает деньги? Копит? Тратит на женщин? Или на азартные игры? Или на наркотики?

Она остановила машину возле кафе, где меню было маленьким, но изысканным.

– Давай зайдем выпьем кофе, – предложила Катерина.

Это было уловкой, Вася понимал, что вторая жена отца просто хочет ненавязчиво подкормить его, а Катерина точно знала, что он это понимает, но старается сохранить лицо.

– У вас что, дома кофе нет? – ехидно спросил он, соблюдая правила игры.

– Кофе есть, а вот такие салаты, как здесь подают, мне дома не приготовить, я даже не знаю, где такие продукты купить. И потом, я люблю морепродукты, а у твоего отца на них страшная аллергия, он даже запаха креветок и мидий не выносит, так что я не могу их в дом принести. Ну что, пойдём?

– Ну пошли, – со вздохом согласился он, изображая покорность.

Они сели за столик, сделали заказ, Катерина взяла только кофе и пирожное (как будто не она десять минут назад пела романсы об экзотических салатах, без которых жить не может), Василий попросил принести два салата и горячее.

– Расскажи мне историю про мальчика, – попросила она. – С самого начала и до конца.

– Зачем? Вы же ее отвергли как непригодную.

– Для нашей книги она действительно не годится, ей там не место. Но мне любопытно. Ты меня заинтриговал.

– Да ну? Ладно, слушайте. Мэтру такие истории, конечно, не по зубам, он человек ортодоксальный, но вы, Катрин, может, и поймете что-нибудь. Значит, попадает маленький мальчик под машину, его душа отлетает и разговаривает с богом...

... – Почему ты не захотела больше жить в той семье? У тебя были прекрасные родители, они дали бы тебе хорошее воспитание и достойное образование, ты могла бы сделать блестящую карьеру, стать богатым и благополучным мужчиной. Да, у них были некоторые... м-м-м... трудности интимного плана, дело чуть было не дошло до развода, когда тебе было пять лет, но теперь-то все наладилось. В чем же дело?

– Да ну, скучно это все. Сыном благополучных родителей я уже четыре раза была, – отвечает Душа ребенка, – два раза мальчиком и два раза девочкой. Я про эту жизнь уже все

знаю. Я этих последних родителей специально выбирала, чтобы пережить опыт пятилетнего ребенка, родители которого стоят на грани развода. Ссоры там всякие, скандалы, подозрения и все такое. Что я хотела, то и получила, а дальше мне неинтересно, дальше я и так все знаю. Теперь выберу себе родителей, у которых я буду девочкой, а после меня родится еще один ребенок, который окажется тяжело больным, ну там инвалидом, или дауном, или еще что-нибудь в том же роде. Я хочу пережить опыт старшей сестры, которая была единственной и любимой, а потом сразу потеряла роль дочери и превратилась в бесплатную помощницу-прислугу, которую замечают постольку, поскольку она обслуживает второго ребенка, который приковывает к себе все внимание родителей и забирает всю их нежность и любовь. Представляешь, какая это травма для девочки? И как она с этим справится? Я хочу пережить этот опыт.

– Я понимаю тебя, дитя мое. Но подумала ли ты о тех своих родителях, которых только что покинула? Ведь они сейчас плачут, ты причинила им огромное горе. Книга судеб давно написана, и мы с тобой знаем, что у них больше не будет детей, и отныне до самой своей смерти они будут оплакивать тебя и ходить на твою могилу. За что ты их так наказала?

– Отец мой, ты сам сказал, что Книга судеб давно написана. Души моих родителей сами выбрали ту жизнь, которую сейчас проживают. Много лет назад они захотели пережить опыт людей, потерявших единственного сына. Между прочим, я такой опыт уже пережила, и не один раз. Ты помнишь, я где-то в Средней Азии была матерью, у которой во время пожара погибли трое детей, и я была женщиной на Ближнем Востоке, у которого во время террористического акта погибли жена и дочь, и еще я была женщиной, потерявшей в результате авиакатастрофы всю семью: мужа, детей и родителей, которые летели все вместе.

– Да, я помню твою историю, дитя мое. И все-таки я спрошу тебя: разве тебе не было жаль своих родителей? Разве ты не понимала, какую боль причиняешь им?

– Конечно, нет! Пока я была в теле мальчика, я была душой семилетнего ребенка, который хочет только играть и радоваться жизни. В тот момент, когда тело столкнулось с машиной, я вспомнила, что я не просто душа семилетнего мальчика, а Вечная и Бессмертная Душа, которая проживает множество жизней и переживает разнообразный опыт по собственному выбору. В тот момент мне предстояло сделать выбор: остаться в теле мальчика и продолжать приобретать этот опыт или покинуть тело, освободиться и выбрать себе новую жизнь и новые приключения. В тот самый момент, Отец мой, я руководствовалась не земными чувствами, каковыми являются жалость и сочувствие, а Вечной Мудростью и Знанием. Я знала, что мальчик должен погибнуть, потому что Души моих родителей знали об этом еще раньше и именно это хотели пережить.

– Разумно. Что ж, дитя мое, благословляю тебя на новую жизнь...

...Катерина слушала внимательно, боясь пропустить хоть слово. Ей казалось, что история будет длинной, что после разговора с богом начнут происходить какие-то события, наглядно иллюстрирующие некую законченную идею, но Василий внезапно умолк.

– Продолжай, – нетерпеливо попросила она.

– Так чего продолжать-то? – удивился он. – Все, сказочке конец. Больше я пока ничего не придумал.

– Но я ничего не поняла. Ты мне пересказал занятный диалог, но за ним же должна стоять какая-то теория, продуманная идея, а у тебя здесь идея совсем сырая, поверхностная, нет концепции.

– Это вы у отца таких слов нахватались? – усмехнулся Вася. – Теория, концепция... Классно быть женой профессора, а, миссис Кэт?

– Быть сыном профессора тоже неплохо, – сухо парировала она. – По крайней мере есть шанс усвоить, что любая теория должна быть стройной и внутренне непротиворечивой. Ты,

судя по всему, этим шансом не воспользовался. Я-то думала, ты действительно придумал что-то стоящее. А оказалось – просто набор непродуманных ощущений.

– Ощущения – это, между прочим, тоже вещь. Вы, дорогая Катрин, даже ощущениями похвастаться не можете, – вяло огрызнулся Василий. – Ваша продукция состоит из сплошных фактов, за которыми нет ни идей, ни ощущений.

Катерина смягчилась. Она никогда не обижалась на него, потому что сам Вася был на удивление необидчив и незлопамятен. Сама-то она старалась без особой нужды не делать ему замечаний и не критиковать, поскольку испытывала до сих пор чувство вины перед ним за развод родителей, а вот Глеб Борисович – тот в выражениях не стеснялся и Васиным потугам творить самостоятельно давал обычно оценки резкие, нелицеприятные, а порой и откровенно грубые. И хоть бы раз мальчик обиделся всерьез! Сидит себе, улыбается, а то и похохатывает, как будто это не его критикуют, не его называют (пусть и в скрытой форме) бесталанным ничтожеством. С него любая критика как с гуся вода. Вот ведь счастливый характер!

– Васенька, давай поговорим серьезно. Если у тебя есть оригинальная идея, надо постараться ее продвинуть. Но у нее должна быть приемлемая форма, которая, во-первых, сделает эту идею понятной и, во-вторых, не будет отвергнута ни редактором и издателем, ни Глебом. Если ты можешь внятно и доступно изложить мне идею, я могу попробовать придумать под нее историю.

– То есть вы, мадам Катрин, собираетесь мне помочь, так, что ли?

Он уже все съел и теперь курил и улыбался сыто, самодовольно и иронично. Любому другому Катерина такую улыбку не простила бы. Раньше не прощала, было время... Хотя и вспоминать об этом не хочется, но порой приходится.

– Знаешь, Васенька, сколько раз я видела на лицах такое выражение, как у тебя сейчас? – Голос ее звучал обманчиво-ласково, и он хорошо знал эту интонацию, поэтому мерзкую улыбочку с лица все-таки согнал, принял вид наигранной заинтересованности.

– Это где же вы видели?

– Да там, где ты и подумал. И хватит об этом. Я предлагаю помощь. Если она тебе не нужна, просто скажи, и мы закроем тему. Ты беспокоишься насчет своего авторства, именно поэтому не хочешь со мной делиться?

– Да ну, Кэт, глупости все это, – он весело махнул рукой. – Идея есть, но она не моя, я ее у другого писателя вычитал. Но книжка у него не художественная, ее мало кто читал, только узкий круг любителей, я и решил донести эту идею до массового читателя в собственной обработке. Правда, пока я обдумывал чужую идею, у меня появилась своя собственная. Сказать?

– Конечно.

– Только она пока не продуманная, так, на уровне ощущений.

– Говори-говори, – подбодрила его Катерина.

– Ну... в общем, жизнь – это игра. Понимаете?

– Нет.

– Вот смотрите. Дети играют... ну, например, в казаки-разбойники. Одни казаки, другие – разбойники. Играют всерьез, совершенно забывая о том, что на самом деле они Миши, Гриши и Пети. Игра закончилась с каким-то там результатом, неважно с каким. И они из казаков и разбойников превращаются снова в Гриш, Миш и Петь. И то, как они ведут себя вне игры, совершенно не зависит от того, что происходило между ними, пока они играли, кто там кого убил или взял в плен. Им не придет в голову сказать: я не поделюсь с тобой пирожком, потому что тебя же нет, я тебя убил. Они игру прожили и забыли. А когда через три дня они снова начнут играть, никому из них не придет в голову особо изощренно пытаться пленного только за то, что он накануне не дал списать задачку по математике. То есть пока

они играют, они забывают о своих отношениях по поводу реальных жизненных событий, а когда не играют, забывают о том, что происходило во время игры. И наши души ведут себя точно так же. Есть их существование в чистом, так сказать, виде. А есть что-то вроде игры, когда они вселяются в тело и проживают определенную жизнь. При этом, пока они в человеческом теле, они не помнят о своем существовании в «чистом виде», они играют в эту игру увлеченно и искренне. Как играют дети. Или как спортсмены играют. Ведь понятно же, что от результата футбольного матча ничего в этой жизни не изменится, больные дети не выздоровеют, бедные не разбогатеют, войны не прекратятся, экология не улучшится, к покинутым женам не вернуться мужья. Никакой разницы, кто выиграл и кто проиграл и вообще был ли этот матч. А сколько переживаний! Тысячи болельщиков, не говоря уже об игроках и тренерах, с ума сходят, как будто что-то существенное может измениться. Понимаете?

– Понимаю, – кивнула Катерина. – Ты хочешь сказать, что не имеет никакого значения, была или не была конкретная человеческая жизнь? И если была, то совершенно неважно, какой она была и как закончилась? Ты это имеешь в виду?

– Ну... в общем... почти. Да, почти. Жизнь – это просто очередное приключение Бессмертной Души. Не главное приключение, не единственное, а именно очередное. Одно из великого множества. В этом суть. Очередная игра. Очередной матч. Все, Катрин, я больше не хочу говорить об этом. Либо у вас хватило интеллекта, чтобы меня понять, либо нет, и тогда дальнейшее обсуждение бессмысленно. Спасибо за ужин.

Василий встал, не дожидаясь, пока ей принесут счет.

– До метро дойду пешком, здесь уже недалеко.

– Как хочешь, – обескураженно пробормотала Катерина, не ожидавшая столь резкого прощания.

– Отцу пламенный привет. Можете поделиться с ним моей идеей, ему, как профессору и крупному теоретику, будет легче ее переварить. Он привык размышлять об абстрактном. Вам, как бухгалтеру, проще иметь дело с конкретикой, голые абстракции вам не по зубам.

Она уже справилась с растерянностью и снова держала себя в руках.

– Ну разумеется, сам ты не рискнешь ничего отцу рассказывать, потому что в моем изложении твоя идея будет звучать куда более связно. Я умею не только придумывать истории, но и увязывать концы с концами, а тебе это вообще не дано.

Это была вовсе не ссора, а привычный обмен репликами. Именно так они общаются вот уже десять лет за исключением того времени, когда Вася служил в армии. Говорят друг другу колкости и при этом улыбаются, иногда притворно, но чаще – искренне. Между ними нет недоговоренностей, и каждый из них довольно точно представляет, как к нему относится другой. Катерина знала, что Вася ее не любит, и это вполне естественно. Новая жена отца ничего не отняла у Василия, напротив, развод родителей послужил толчком к тому, что его все оставили в покое и позволили жить одному, чего он, собственно, и добивался. Если бы отец не развелся и не женился на Катерине, жить бы Васеньке до сих пор с мамой-папой, плясать под их дудку и считать копейки. А скорее всего он женился бы на ком попало, на первой встречной, не хромой и не горбатой, но с квартирой, только для того, чтобы получить возможность жить отдельно от предков. И мучился бы сейчас с нелюбимой женой и ненужными ему пока детьми, гулял бы от нее направо и налево, изоврался бы вконец и измучился в непрерывных семейных сценах. Появление Катерины избавило его от такой приятной перспективы, и Василий это ценил. Но все равно не любил ее. Потому что еще до проекта она сумела сделать то, чего не сумел он сам. И потом... Он ее боялся. Когда он вернулся из армии, пройдя хорошую школу «дедовщины», то среди своих неслуживших приятелей выглядел по меньшей мере крутым авторитетом. Но то, что пережила Катерина, не шло с армией ни в какое сравнение, и перед женой отца Вася пасовал. Она умела так сказать,

так посмотреть и так улыбнуться, что молодому человеку становилось холодно до озноба и страшно до судорог.

В общем, не любил Вася Катерину, но как-то так, спокойно не любил, без ярости и гнева. Просто как была она ему чужой, так и осталась. Чужой и загадочной. И загадка эта, оказавшаяся для Василия непосильной, таилась вовсе не в ее женственности, вот как раз никакой особой женственности он в ней и не примечал, не считал красивой, не чувствовал обаяния и вообще не понимал, чем она лучше его матери. Моложе, что ли? Так не намного, когда отец развелся с мамой и женился на тридцатидвухлетней Катерине, матери было всего сорок, не так уж и велика разница. Нет, не женская тайна ставила Васю в тупик, а совсем другая. Он до сих пор не мог понять, как ей это удалось. Ей, экономисту по образованию, бухгалтеру по профессии, воровке, которая отсидела четыре года и которую из-за этого бросил муж, легко, как будто между делом, между пеленками, носками, кастрюлями и пылесосом удалось то, что до сих пор не удавалось Васе, который вот уже много лет посвящал этому все свое время, отдавал всю душу, всего себя. Ну почему? Почему?

Он не понимал и от этого злился. И не любил Катерину.

И она его не любила. Потому что редко встретятся люди, которые искренне любят тех, перед кем чувствуют себя виноватыми.

Глава 2

Рабочий день был в разгаре, и, когда позвонил Чистяков, Настя Каменская сидела на совещании в кабинете следователя, возглавлявшего бригаду по раскрытию нашумевшего убийства крупного предпринимателя. Почувствовав, как вибрирует в кармане пиджака мобильный телефон, Настя жестом попросила разрешения выйти в коридор.

– Леш, я не могу сейчас разговаривать, – скороговоркой пробормотала она, притворив за собой дверь кабинета.

– Я быстро. Ты не забыла, что нам сегодня нужно к Сашке на квартиру подъехать? Когда и где встречаемся?

– Они же только завтра прилетают, – удивилась она. – Зачем сегодня ехать?

– Квартиру расконсервировать. Пыль вытереть, проветрить, продукты купить. Там целый год никто не жил. Как ты себе это представляешь?

– Леша, я не знаю... Не могу сказать точно, когда освобожусь. Я позвоню, ладно? Как только будет ясность, сразу и позвоню.

– Хорошо бы, чтобы это случилось все-таки не завтра, а хотя бы сегодня, – проворчал муж.

Вернувшись в кабинет, Настя моментально выбросила из головы проблему брата, его квартиры и его возвращения из-за границы, где он с семьей прожил без малого год: маленький сынишка нуждался в лечении в условиях чистого альпийского воздуха. Следователь, с которым ей приходилось работать по делу об убийстве предпринимателя, был строгим и требовательным, и никакие личные дела его не интересовали. Если бы он только заметил, что Каменская отвлеклась от обсуждения и не может попасть в русло беседы, нотации было бы не миновать. Этот следователь – не Костя Ольшанский, к сожалению, и даже не Гмыря, отношения с которыми сложились давно и носили характер не столько служебный, сколько братско-сестринско-дружеский.

После совещания она съездила по двум адресам, поговорила с возможными свидетелями и только около восьми вечера вспомнила о муже и о брате. Лешка прав, маленький Санечка – астматик, да еще и аллергией страдает, нельзя его запускать в пропыленную квартиру. Конечно, его там, в Австрии, лечили, и Даша уверяла, что успешно, что мальчик уже почти совсем здоровенький, но ведь почти, а не окончательно. Чувствуя себя виноватой, она вытащила из кармана телефон и позвонила Чистякову.

– Я свободна, – радостно сообщила она. – Назначай место встречи. Ты сейчас где?

– Я уже давно у Сашки, пылесосом орудую, – сообщил муж. – Приезжай сюда, по дороге купи продукты.

– Какие? – глупо спросила Настя.

– Ну знаешь, подруга, не испытывай мое терпение. Какие увидишь, такие и покупай. Хлеб, масло, сахар, чай, кофе – это обязательно, остальное на твое усмотрение. Тебя что, и этому учить нужно?

– Ладно, Леш, не злись, – примирительно произнесла она. – Скоро приеду.

В магазине она набила едой три объемистых пакета, догадываясь, что наверняка купила много лишнего, и браня себя за то, что не может сосредоточиться и подойти к решению задачи, как выразился бы Лешка, «системно». Вот, к примеру, взять хоть молочные продукты. Что выбрать: кефир, простоквашу или йогурт? Кто знает, что любит Саша, что ест его жена и что можно племяннику? На всякий случай Настя бросила в корзину и то, и другое, и третье. И только расплатившись и распахивая содержимое корзины по пакетам, сообразила, что можно же было прямо из магазина позвонить Дашеньке на мобильник и все спросить. И почему она такая тупая? На работе ее хвалят, говорят, Каменская – умница, а на самом

деле? До такой простой вещи не додумалась. И экзамен чуть не завалила. Может, не такая уж она и умница? Или была когда-то умницей, а теперь... Старееет, что ли? Мозги уже не те? С возрастом утратила способность быстро переключаться, как начала с утра думать о работе, так остановиться не может?

Ей стало грустно. И немного страшно. Ей сорок три года. Это «уже» или «еще»?

В квартире брата царил арктический холод – Чистяков открыл все окна, чтобы изгнать застоявшийся воздух, который отчего-то казался протухшим, хотя по законам химии так быть не могло.

– Лешик, я, кажется, что-то не то сделала, – виновато сказала Настя, выкладывая покупки на стол в кухне. – Ты только не ругайся, ладно? Я сегодня немножко не в себе.

– Ты и вчера была немножко не в себе, и позавчера тоже, – ехидно заметил муж, критически оглядывая довольно странный набор съестного. – Это у тебя перманентное состояние. Асенька, это вот что такое?

Он ткнул пальцем в красивую яркую упаковку с изображением пальмы.

– Это? Финики.

– И зачем?

– Вкусно... Они сладкие, с чаем хорошо... Леш, не надо, пожалуйста, я и так сейчас расплачусь.

Ее голос задрожал, и набежавшие на глаза слезы удалось удержать с большим трудом. Да что с ней такое? С чего это она решила рыдать на ровном месте?

– Леш, со мной что-то не так, – тихо сказала она, утыкаясь лбом в плечо мужа. – Может, я болею чем-нибудь? Соображаю плохо, плакать все время хочется. И усталость страшная, как будто я сто лет пахала и ни одного дня не отдыхала.

– Ну что ты, Асенька, что ты, – Чистяков ласково погладил ее по голове. – Ты присядь, давай я сейчас чаю сделаю с бутербродом. Ты ведь голодная?

Она кивнула, села на уютный мягкий диванчик и почувствовала, как мешают ей закамневшие плечи. Подняла руки и привычным движением начала разминать твердые, словно деревянные мышцы. Она смотрела, как Леша ловко разворачивает упаковки, нарезает хлеб и сыр, делает бутерброды, заваривает чай, и чувствовала, что снова вот-вот расплачется.

– Леша, может, это у меня нервы? – спросила она, украдкой стирая со щеки все-таки прорвавшуюся сквозь заслоны слезинку.

– Асенька, у тебя не нервы, а банальный кризис среднего возраста, – спокойно ответил Алексей, ни на секунду не задумавшись. И по этому спокойствию, и по тому, как быстро он нашел ответ, Настя поняла, что муж давно все заметил и не только заметил, но и обдумал.

– Ты намекаешь на климакс, что ли?

– И на него тоже, и не намекаю, а говорю прямо.

– То есть ты хочешь сказать, что я превращаюсь в старуху?

Это была наглая провокация, но Чистяков не был бы Чистяковым, если бы его можно было сбить с толку такими дешевыми приемами.

– Я хочу сказать, что есть физиологические законы, которые ты не можешь отменить и которые нет смысла игнорировать. Ты не старуха, ты женщина среднего возраста, но, поскольку ты не рожала, климакс у тебя может наступить раньше. И что в этом страшного? Да, ты плохо себя чувствуешь, ты устаешь быстрее, чем раньше, тебе все время хочется плакать, и что? Думаешь, ты одна такая? Миллионы женщин через это проходят, и ничего, остаются живы.

– Но если у меня действительно начинается климакс, значит, я старею, – упрямо возразила Настя.

– Ничего подобного. Это означает, что через некоторое время ты полностью утратишь способность родить ребенка, только и всего. Больше ничего в твоей жизни не изменится.

Ася, это надо просто перетерпеть, понимаешь? Сорок три года – это прекрасный возраст, когда уже накоплен солидный жизненный опыт, позволяющий избегать грубых ошибок, и когда впереди еще много лет, в течение которых ты можешь делать, что тебе интересно. Сейчас начинается лучшая пора твоей жизни, и она продлится лет тридцать, а может, и дольше. А ты ревешь вместо того, чтобы радоваться. Вот, держи бутерброд.

– Спасибо.

Она откусила хлеб с сыром, но вкуса не почувствовала. С трудом прожевала, еле-еле проглотила. А ведь пять минут назад ей казалось, что она умирает от голода и может одним махом съесть все, что принесла из магазина. Какая-то мысль не давала ей покоя... Что-то связанное с Лешкой... Что-то ее задело, не обидело, нет, а именно задело, зацепило... А, вот оно!

– Леша, ты с таким знанием дела рассуждаешь про климакс, словно ты врач, а не математик. Ты что, литературку почитывал? Или со специалистами консультировался?

– И то, и другое. – Он был совершенно спокоен, пил маленькими глоточками горячий чай и насмешливо смотрел на жену. – А что тебя удивляет?

– Зачем?

– Ася, я не слепой и не бесчувственный. Если я вижу, что с тобой, как ты сама выразилась, что-то не так, я пытаюсь понять, что происходит. Ты помнишь, сколько раз я задавал тебе вопросы? И ни одного внятного ответа не услышал. Это тянется уже несколько месяцев, и ни разу ты не смогла объяснить мне, почему ты такая взвинченная, или почему ты плачешь в подушку, или почему явно неадекватно реагируешь на самую привычную ситуацию, на которую раньше даже внимания не обращала. Тогда я решил поискать объяснения сам.

– И уверен, что нашел? – зло спросила она.

Версия с климаксом ей совершенно не нравилась. Просто она слишком много работает, вымоталась, устала... Она ведь и раньше работала много, всегда была трудоголиком, но это давалось как-то... легче, что ли, проще. Почему же сейчас у нее совсем нет сил? Почему у нее такое ощущение, что мозги заторможены? И экзамен по уголовному праву и криминологии – ярчайший тому пример. Все знать, все понимать и не суметь внятно изложить! Позор. Стыдоба. Если все дело в том, что раньше она была моложе и сильнее, а теперь, с годами... то неизбежно придется признавать, что она все-таки стареет. А чем эта версия лучше версии с климаксом? Ничем. Они обе про одно и то же. Про то, что время идет и невозможно на долгие годы застыть в одном возрасте и в одном состоянии здоровья. Но, может быть, есть еще какое-то объяснение?

– Не уверен, но объяснение вполне правдоподобное. И не надо злиться из-за этого, это нормальное течение жизни. У меня тоже будет климакс, и я стану мрачным, депрессивным и совершенно невыносимым, а тебе придется со мной маяться, утешать меня и терпеть мое плохое настроение. Тебе и в голову не придет, что это проявления мужского климакса, ты начнешь мучиться подозрениями, что ты мне надоела, что я завел себе молодую длинноногую подружку и изменяю тебе в полное свое удовольствие, а я, натурально, буду все отрицать, сердиться, раздражаться и хлопать дверью. И это тоже надо будет пережить. Асенька, кончай разводить трагедию на пустом месте, квартира уже проветрилась, сейчас сделаем вторую влажную уборку и поедем домой.

– А зачем вторую? – не поняла Настя.

– Затем, что с улицы пыль и грязь налетела во все окна.

Да, действительно, об этом она не подумала. Мозги стали совсем неповоротливыми, таких элементарных вещей сообразить не может. А еще диссертацию писать собралась! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней...

– В котором часу они завтра прилетают? – спросила Настя двумя часами позже, когда они с Чистяковым подъезжали к своему дому на Щелковском шоссе.

– В девятнадцать с какими-то минутами. Я обещал их встретить.

– Я, наверное, не успею в Шереметьево, – виновато сообщила она.

– Это само собой, – усмехнулся Леша. – Приедешь попозже, когда сумеешь. Дашка все равно спать не уляжется, пока с тобой не повидается. Кроме того, Саша мне сообщил под большим секретом, что маленький Санечка сам лично выбирал в магазине подарок для тебя, и он тоже не успокоится, пока не вручит его и не увидит, как ты удивишься и обрадуешься. Поэтому, Ася, я тебя прошу хотя бы завтра вечером постараться держать себя в руках и не портить людям радость. Не сидеть с кислой миной, не раздражаться по пустякам и не плакать. Сумеешь?

– Постараюсь.

– Это не ответ.

– Сумею, – твердо пообещала она.

Господи, какой кошмар! Оказывается, Лешка все время видит ее раздраженной, с кислой миной и со слезами на глазах! Неужели правда? Неужели ей совсем не удается скрывать от мужа свое состояние, он все видит и все это терпит? Бедный Чистяков! И за что ему такое наказание под названием «Настя Каменская»?

* * *

Сначала все казалось несложным и даже интересным. Неожиданно им позвонил человек, благодаря которому удалось вытащить сына из неприятной истории и спасти от приговора и тюрьмы, и попросил навести справки о писателе Василии Богуславском. Тут никаких особых усилий не требовалось, и непонятно даже было, почему нужно кого-то просить об этом, ведь тот, кто позвонил, мог бы с таким же успехом изучить все материалы, размещенные в Интернете. Наверное, ему это и в голову не пришло. Как бы то ни было, Вячеслав и Елизавета Боровенко, не вдаваясь в ненужные вопросы, включили компьютер и занялись делом.

Оказалось, что никакого Василия Богуславского как физического лица не существует и что «Василий Богуславский» – это название некоего проекта и одновременно коллективный псевдоним трех авторов: Глеба Богданова и Екатерины и Василия Славчиковых. Ни издательство, ни сами авторы никакого секрета из этого не делали, рассказывали о проекте в своих интервью и даже давали совместные пресс-конференции. Суть проекта тоже не была тайной: двадцать детективных романов, сюжеты которых должны быть связаны с искусством, шоу-бизнесом и средствами массовой информации. Иными словами, события в этих романах должны происходить на фоне театрального, кинематографического, телевизионного, газетно-журнального и эстрадного закулисья.

– «Мы хотели, чтобы у читателей этих детективов интерес был бы двойным. Не только «кто и за что убил», но и «как это у них там происходит». Людей всегда интересуют подробности из жизни театра, кино и телевидения, и мы решили сделать на это ставку», – процитировал вслух Вячеслав отрывок из интервью главного редактора издательства. И тут же прокомментировал: – Поразительная открытость! Все знают, что существуют подобные проекты, но никто никогда не раскрывает людей, которые в нем реально участвуют. Ведь сколько раз я наткнулся на то, что читаю книги, подписанные одним и тем же именем, и понимаю, что написаны они совершенно разными людьми, но нигде никакой информации об этом не нахожу. А тут – пожалуйста, все карты на стол выложили. Как ты думаешь, почему?

– Я думаю, это тоже элемент рекламы для привлечения внимания, – отозвалась Лиза. – Мы не такие, как все. Все скрывают, а мы действуем совершенно открыто, а раз мы действуем не так, как другие издатели, то и проект у нас не такой, обратите внимание.

– Возможно, – согласился он. – Похоже, что ты права. Ну что ж, можно отчитаться о проделанной работе.

Он потянулся к телефону, чтобы позвонить по межгороду и радостно сообщить, что задание выполнено.

– Трое? – задумчиво протянул в трубке человек, которому супруги Боровенко были обязаны. – Это жаль.

– Почему?

– Это плохо, – собеседник Вячеслава не удостоил его объяснениями. – Соберите мне сведения о каждом из троих. Эти имена мне ничего не говорят. Через три дня я должен знать о них все.

Такая постановка вопроса супругов озадачила, но они помнили, чем обязаны этому человеку, поэтому сочли за благо не возмущаться и сделать все, что смогут.

За три дня они успели не так уж много, ведь никаких источников информации, кроме Интернета, у них не было. Но, с другой стороны, это не так уж и мало, потому что в сети содержалось огромное количество как интервью и критических статей, так и публикаций, в которых по тому или иному поводу упоминался Василий Богуславский или его отдельные «человеко-части».

Самой известной фигурой среди соавторов был Глеб Борисович Богданов, маститый писатель, член всяческих союзов и лауреат всевозможных премий. Первая его книга была опубликована еще в 1955 году, вторая – в 1958-м, и молодой автор, написавший увлекательнейшую биографию Михаила Фрунзе, был немедленно обласкан властью. Третья книга была посвящена Софье Перовской, а после четвертой, героем которой выступал Муравьев-Апостол, Глеба Богданова официально «назначили» главным биографом страны. Ему было дозволено (читай – заказано) создать высокохудожественные жизнеописания людей, на которых, в соответствии с тогдашней идеологией, должен был равняться советский человек. Богданов писал о Николае Островском, Феликсе Дзержинском, Анне Елизаровой-Ульяновой, Глебе Кржижановском, о Менжинском и Бонч-Бруевиче, о Бабушкине и Красине. А также о Максиме Горьком, Николае Чернышевском и Виссарионе Белинском. Все эти книги выходили в серии «Факел» и имели одну особенность, отличающую их от многих подобных жизнеописаний: они были написаны так, что оторваться от книги было невозможно. Глеб Богданов обладал редким даром рассказчика, умеющего держать читателя в напряжении до самой последней страницы. Как ему это удавалось – никто так и не понял, ни критики-литературоведы, ни сами читатели, но в итоге все оставались довольны: идеологи, преподаватели истории и литературы, школьники и студенты.

С конца восьмидесятых годов прошлого века Богданов писать перестал, вероятно, спрос на жизнеописания резко упал. И вновь Глеб Борисович возник только в 1999 году уже в качестве «человеко-части» проекта «Василий Богуславский».

Богданов был дважды женат и столько же раз разведен, обе его супруги живы и здоровы, от двух браков он имеет двоих детей – сына Илью и дочь Ладу.

В биографии Богданова все было понятным и логичным, кроме одного: почему он в течение десяти лет не написал ни одной книги. Устал? Надоело? Решил больше не браться за перо? Возможно. Тогда как объяснить его участие в проекте? Да, идеологически выверенные биографии стали не нужны, Богданову больше не заказывали жизнеописания, но ведь он мог творить без заказа, по собственному усмотрению, писать романы, повести. Почему же он, обладая уникальным даром рассказчика, этого не сделал? Или все-таки сделал, но рукописи по каким-то причинам не увидели свет? Если так, то каковы эти причины?

Екатерина Славчикова оказалась супругам Боровенко фигурой типичной для современности. Экономист по образованию, она работала бухгалтером сначала на госпредприятии, потом в различных мелких фирмах, а потом в один прекрасный день начала писать

детективы. Публиковалась под собственным именем, никакими псевдонимами не пользовалась и никаких секретов вокруг себя не разводила. В 1997 – 1998 годах вышли четыре ее повести, после чего, с 1999 года, она перестала творить самостоятельно и включилась в проект «Василий Богуславский». Состоит во втором браке, от первого брака имеет дочь, от второго – двух сыновей. О своей семейной жизни Екатерина Славчикова рассказывала журналистам много и охотно, так что информации было достаточно, но она не казалась супругам Боровенко интересной.

Василий же Славчиков, третий соавтор проекта, оказался сыном второго мужа Екатерины. Никакого литературного прошлого у него не было, он ничего не писал и не издавался, и зачем его взяли третьим автором в проект, было непонятно.

– Да ясно же, семейственность разводять, – пожалала плечами Елизавета. – Всегда стараются своих поближе к кормушке пропихнуть.

– Нет, Лиза, не все так просто, – возразил Вячеслав. – Гонорар за рукопись не зависит от числа соавторов, деньги платят за рукопись, а не за работу каждого. А соавторы делят этот гонорар между собой в определенной пропорции. Какой смысл Екатерине брать в проект парня? Если она хочет дать ему денег, она может сделать это из собственного кармана. Что-то тут не так.

– А что не так-то? Вот смотри, гонорар за книгу составляет, допустим, сто единиц, и если соавторов двое, они делят его пополам, по пятьдесят единиц на каждого. А если их трое, то по тридцать три единицы. Таким образом, у семьи Славчиковых оказывается не пятьдесят единиц, а шестьдесят шесть. Вот тебе и весь расклад.

– И ты полагаешь, что Богданов легко согласился на то, чтобы его доля уменьшилась с пятидесяти единиц до тридцати трех? Вот так просто взял и отдал свои кровные совершенно чужому молодому парню, который не умеет писать книги и от которого толку как от козла молока? Не поверю!

– Вообще-то верно, – согласилась Елизавета. – Надо почитать их интервью повнимательнее.

У них оставалось еще двое суток из отведенных трех, и супруги решили разделиться. Вячеслав оккупировал компьютер, выискивая все новые и новые материалы о Василии Богуславском, а Лиза отправилась в библиотеку и в книжный магазин. Вернулась она с шестью книгами: двумя жизнеописаниями, принадлежащими перу Глеба Богданова, двумя детективами Екатерины Славчиковой и двумя произведениями, подписанными «Василий Богуславский». Читала она быстро, так что для самого поверхностного анализа времени вполне хватило.

О Богданове она ничего нового не узнала, книги действительно были увлекательными и читались на одном дыхании, но это было известно и раньше. Детективы бывшего бухгалтера отличались затейливостью истории, но при этом, как ни странно, читались с огромным трудом. Язык был серым, лишенным какой бы то ни было образности и живости, фабула казалась несбалансированной, и происходящие в романе события то неслись галопом, как взбесившийся конь, то провисали и надолго застывали на одном месте, вызывая ассоциации с задумавшейся черепахой. Лиза то и дело ловила себя на желании бросить книгу недочитанной, но вспоминала, что читает не ради удовольствия, а исключительно ради дела, и снова бралась за работу. Самым интересным для нее было описание быта и нравов женских колоний, а также женских камер в следственных изоляторах. Эти описания присутствовали в обеих прочитанных книгах Славчиковой, а конфликты, возникшие в местах лишения свободы, или сложившиеся там отношения лежали в основе самих детективных сюжетов.

Романы же Василия Богуславского были хороши во всех отношениях: и история интересная, и концовка неожиданная, и стиль замечательный, и действие нигде не провисает, двигается по нарастающей, не давая оторваться от книги.

– Все ясно, – сделала вывод Елизавета, закрывая последнюю из шести книг. – Она сидела.

– Кто? – не понял Вячеслав.

– Да Славчикова эта. Она отсидела какой-то срок, по всей вероятности, небольшой, отсюда и интерес к описанию зоны. Конечно, может оказаться, что она все это выдумала или знает из чьих-то рассказов, но мне кажется, она сама через все это прошла. Теперь дальше. Богданов за всю жизнь не написал ничего такого, что он сам бы придумал, понимаешь? Он только описывал чужие жизни, чужие истории. У него потрясающее чувство текста, он о самых скучных вещах умеет рассказывать интересно и увлекательно, но он не умеет придумывать. А у Славчиковой все наоборот: она великолепная выдумщица, но совершенно не умеет свои истории интересно рассказывать. Вместе с Богдановым у них все получается классно: она придумывает историю, а он ее структурирует, излагает и записывает.

– А третий? Он что делает?

– Понятия не имею, – вздохнула Елизавета. – Его присутствие в книгах Богуславского никак не просматривается. Не понимаю, зачем он им нужен?

Когда миновал трехдневный срок, Вячеслав долго разговаривал по телефону с человеком, обратившимся к ним со столь странной просьбой, а когда повесил трубку, в полном недоумении обернулся к жене:

– Он хочет, чтобы мы приехали к нему. Всего на один день. Но как можно быстрее.

– Зачем?

– Не знаю. Он сказал, что это важно, и в первую очередь для нас самих. Он сказал, чтобы мы приехали вдвоем. – Господи, – заволновалась Лиза, – что там могло случиться? И какое отношение к этому имеет мифический Богуславский?

– Не знаю, – угрюмо повторил Вячеслав. – Но он просил таким тоном, что это больше похоже на приказание. Придется ехать. Ты сможешь отпроситься на работе?

– Я и так брала три дня, чтобы читать эту муть... Но я что-нибудь придумаю, Славик. Неужели Юрка опять что-то натворил?

На следующий день они уехали в город, где на четвертом курсе автодорожного института учился их сын Юрий. А еще через день вернулись в Москву, получив вполне конкретное, но очень странное задание: установить наблюдение за всеми соавторами, издающимися под псевдонимом «Василий Богуславский». Все дальнейшие инструкции получать от находящегося в Москве человека, который с ними свяжется, вот его имя, он им позвонит. Они должны понимать, что все это, во-первых, очень важно и, во-вторых, в их же собственных интересах, поскольку если выплывет наружу, каким образом их родной сынок избежал уголовной ответственности, то пострадает и мальчик, и они сами.

– Мне ничего не будет, я уже год как на пенсии, – небрежно гудел хорошо поставленным голосом Андрей Степанович, – а в отношении вашего Юры уголовное преследование будет возобновлено, если материалы, которые собрал журналист, попадут не в те руки.

– Но как же нам их искать? – растерянно спросила Лиза Боровенко, у которой при одной только мысли о том, что сын окажется за решеткой, холодело сердце и темнело в глазах. – Мы же не умеем, мы со Славой технари, а не сыщики...

– Сыщиков сюда впутывать нельзя, – строго оборвал ее Андрей Степанович. – Слишком узкий круг профессионалов, понимаете?

– Нет, – признался Вячеслав.

– Это только со стороны кажется, что работников милиции очень много. На самом деле оперативников, следователей и их начальства очень мало, и все друг друга знают. Ну, не в буквальном, конечно, смысле, – поправился Андрей Степанович, поймав недоверчивый взгляд Вячеслава. – Я хочу сказать, что их численность достаточно мала, чтобы информация проходила быстро и попадала не к тем, к кому следует. Если взять наугад двух офицеров

МВД из разных регионов нашей страны, то через полчаса окажется, что у них есть общие знакомые. Я понимаю, что вы – люди неопытные и вам будет трудно, поэтому мой человек в Москве окажет вам некоторую помощь. Но – подчеркиваю! – некоторую. Основную работу должны будете сделать вы сами. Материалы, которые когда-то собрал журналист, попали в руки кому-то из этих «Богуславских». Необходимо узнать, к кому именно и от кого. А вот когда эта часть задачи будет решена, тогда посмотрим: может быть, вам придется действовать и дальше, а может быть, мы поручим это специалистам. Так я могу на вас рассчитывать?

– Конечно, – хором заявили супруги, хотя ни Вячеслав, ни Лиза даже отдаленно не представляли себе, что и как они будут делать.

Но делать все равно будут, оба в этом ни секунды не сомневались. Ведь речь идет о сыне, которого с таким трудом, за такие огромные взятки удалось отбить от обвинения в групповом изнасиловании. Юра был виновен, родители это знали, да он и сам не отрицал. Хорошо, что все участники преступления были сильно пьяны и на следствии путались в показаниях и не могли точно сказать, кто из них истязал девчонку, которой не повезло в этот проклятый час идти домой через парк, а кто только смотрел и глумился. Медико-биологическая экспертиза мазков, взятых у потерпевшей, совершенно недвусмысленно доказывала соучастие Юрия Боровенко. И вот тут... В общем, что теперь вспоминать. Андрей Степанович сделал то, что обещал. Но если сегодня выплывет факт фальсификации экспертного заключения, то мальчик обречен.

В течение двух недель Слава и Лиза, оформившие на работе отпуска за свой счет «по семейным обстоятельствам», пытались в меру своих способностей следить за соавторами. Купили на рынке «левый» диск с адресной базой данных и сразу же нашли адрес Глеба Борисовича Богданова. С Екатериной и сыном ее мужа дело оказалось сложнее. В базе данных никакой Екатерины Славчиковой подходящего возраста не оказалось, а по адресу, указанному как место регистрации Василия Славчикова, молодой человек не проживал, но чтобы это установить, потребовалось потратить два дня.

– Ладно, с парнем понятно, он наверняка или снимает квартиру, или живет у бабы, – досадливо морщась, констатировал Слава Боровенко. – А вот почему Екатерины в базе нет?

– Может, база устаревшая, – высказала предположение Лиза. – Она могла после регистрации второго брака еще какое-то время носить прежнюю фамилию, под этой фамилией она и прописана. Или вообще она прописана там, где жила до замужества, и соответственно, под прежней фамилией. Ты же знаешь, какой у нас бардак кругом... Хорошо хоть адрес Богданова есть. Оттуда и начнем.

В одном из интервью Екатерина Славчикова, отвечая на стандартный вопрос о писательской кухне и о том, «как вы это делаете», как-то упомянула, что по средам и субботам они собираются у Богданова. В первую же после начала слежки среду Вячеслав убедился, что это действительно так. Вечером они с женой «проводжали» Екатерину и Василия. Лиза на собственной машине марки «СААБ» доехала следом за писательницей до самого дома и даже сумела увидеть, в какой именно почтовый ящик она заглядывала. Слава же на своей «Ауди» сначала вынужден был проехать до клуба «Юпитер», прождать там почти два часа, потом тащиться следом за «Жигулями» Василия еще в одно место ночной тусовки, и только около трех часов ночи ему удалось увидеть дом, в котором живет самый молодой из троих соавторов.

И что делать дальше? Ну, выяснили они, где живут эти «Богуславские», и что теперь? Как узнать, у кого из них те самые материалы? Почти сутки Лиза и Слава ломали головы, ничего не придумали и решили дожидаться звонка человека по имени Николай, которого назвал им Андрей Степанович. Николай их вопросам ничуть не удивился, словно ждал их, и не задумываясь ответил:

– Нужно выяснить распорядок их жизни. Когда и где бывают, кто остается в квартире, понимаете?

– Не очень, – признался Слава.

– Ну, это неважно, – отмахнулся Николай. – В общем, надо обрисовать картину их жизни. И не только их самих, но и всех членов семьи.

– Теперь понятно.

Задача казалась супругам Боровенко абсолютно непосильной. Уже через три дня они знали, что Богданов живет один, но в его квартире целыми днями находится старая домработница, а в квартире Екатерины Славчиковой, кроме ее мужа, имеются трое детей и няня. Да еще Василий, который живет-то вроде бы в одиночестве, но гости к нему приходят. Как вдвоем уследить за всеми? Лиза и Слава гоняли по Москве, постоянно созваниваясь, передавая «объекты» друг другу, выбиваясь из сил и опасаясь опоздать и что-то упустить. Работали они непрофессионально, неловко, совершали множество ошибок, но к концу второй недели им все же кое-что удалось.

Василий Славчиков был совершенно непредсказуем. Никакого распорядка в его жизни не было, приходил домой далеко за полночь, уходил в разное время, а случалось, и вовсе целый день квартиру не покидал. Двое суток провел безвылазно в общежитии студентов театрального института. Ездил по каким-то адресам, где проводил от пятнадцати минут до четырех часов, тусовался по клубам. В общем, не «объект», а цепь мучительных кошмаров.

Ничуть не легче дело обстояло с Екатериной. Ее муж-профессор, как и положено профессорам, ходил на работу далеко не каждый день, зато каждый день к восьми утра приходила няня, которая отводила в школу старшего из мальчиков и потом занималась только младшим: гуляла, ходила с ним в поликлинику и еще куда-то. Дочь Екатерины, семнадцатилетняя красоточка, училась в одиннадцатом классе и исправно ходила в школу к первому уроку, но вот возвращалась... когда после второго урока, когда после четвертого, а когда и вовсе часов в восемь вечера. Одним словом, активно прогуливала занятия, преимущественно в те дни, когда матери и ее мужа-профессора не было дома. То есть уходила утром, как примерная ученица, а о том, в котором часу она вернулась, никто не знал. Кроме няни, разумеется, которая, судя по всему, девицу покрывала. Или, по крайней мере, прогулам не препятствовала. Сама Екатерина тоже жила не по графику, никаких регулярных посещений фитнес-центров, салонов красоты или клубов за ней замечено не было. Она ходила в магазины за продуктами, носила вещи в химчистку и прачечную, один раз съездила к стоматологу, но в целом предсказать ее времяпрепровождение по часам оказалось невозможным. За одним-единственным исключением: она, как и Василий, по средам и субботам с двенадцати дня до восьми вечера находилась у Глеба Борисовича Богданова.

Глеб же Борисович жил по раз и навсегда установленному распорядку, который нарушался только в случае необходимости. С половины десятого до половины двенадцатого – пешие прогулки. В это время дома обычно находится старуха-домработница, которая либо ночует у Богданова, либо является к семи утра и уходит в десять вечера. За продуктами старуха ходит, как правило, после того, как накормит писателя обедом. Все остальное время они в квартире вдвоем.

По четвергам Глеб Борисович обедает в ресторане «Старая Вена» на Краснопрудной улице, всегда в одно и то же время: с двух до четырех. По воскресеньям к обеду приезжает красивая молодая девушка, судя по внешнему сходству – родственница Богданова, может быть, даже дочь или внучка. Кроме соавторов, молодой красавицы и домработницы, к Богданову за две недели никто не приходил. Сам же маститый автор, помимо ресторана, который он за эти же две недели посетил, соответственно, два раза, один раз побывал на юбилее другого не менее маститого писателя и один раз – в «Останкино», где участвовал в съемках

ток-шоу. Понятно, что юбилей и съемки – мероприятия, так сказать, одноразовые, и, если бы их не было, Глеб Борисович сидел бы дома и писал очередной бестселлер.

– Мы сделали все, что могли, – отчитался Слава Боровенко, позвонив в заранее оговоренное время Николаю. – Теперь мы можем возвращаться на работу?

Ответ оказался неожиданным.

– Это решаю не я. Вас подключил к делу Андрей Степанович, и только он может решить, будете ли вы и дальше выполнять его задания. Моя роль состоит только в том, чтобы вас консультировать и при необходимости помогать.

– Что же нам делать теперь? – мрачно спросил Вячеслав.

– Позвоните Андрею Степановичу. Он сам скажет.

Разговор с Андреем Степановичем не внес ясности.

– Я же вам объяснял, Слава, вы должны найти материалы. А вы пока только установили, кто из этих «Богуславских» где живет и с кем. Этого совершенно недостаточно. Если вы сами не понимаете, спросите у Николая, и он все вам объяснит.

На этот раз Николай был более разговорчив и терпелив, объясняя прописные, как ему казалось, истины этим двум далеким от детективной работы людям. Инструктаж он проводил уже не по телефону, а лично. Слава, разговаривавший с Николаем по телефону, по голосу составил примерный его портрет – эдакого самоуверенного молодого человека, может быть, чуть старше их сына Юры, непременно красивого и модно одетого, и был страшно удивлен, когда увидел невысокого лысоватого мужичка средних лет с простоватым лицом.

Встреча по настоянию Николая происходила поздно вечером. Он велел Боровенко приехать на машине в условленное место, сам подошел и сел на заднее сиденье. Слава и Лиза, сидевшие впереди, слегка повернулись, сели боком, чтобы удобнее было разговаривать, но все равно в темноте разглядеть Николая как следует не смогли.

– Есть два способа выяснить, у кого из троих находятся материалы. Первый – обыскать их жилища. Если с хатой Василия это проделать легко и просто, то со всеми остальными – проблематично. Богданов почти все время сидит дома, да у него еще и старуха там болтается постоянно. У Екатерины тоже проходной двор, муж-домосед, дети, нянька, дочка-прогульщица. Для того чтобы выполнить работу качественно, нужно не менее трех часов. Ни квартира Екатерины, ни квартира Богданова не бывает пустой по три часа. Согласны?

– Не знаю, – растерянно протянул Вячеслав.

Таковыми категориями он мыслить не умел.

– Ну как же не знаете, когда вы сами час назад мне об этом рассказывали. Это же результаты ваших наблюдений, а не мои выдумки.

– Да, конечно, вы правы, Николай, – вынужден был признать Слава.

– Второй способ – прослушивать разговоры всех троих, когда они собираются вместе, чтобы понять, кто является автором идей, заимствованных из материалов журналиста. Это понятно?

– Понятно, – послушно повторил Боровенко.

– Значит, нужно поставить «жучок» в квартиру Богданова. Технику я вам дам, а ваша задача – подыскать человека, который ее поставит. Потом будете сидеть в машине неподалеку от дома и слушать, как ваши писаки общаются между собой. Кто-нибудь из них обязательно что-нибудь скажет. Здесь тоже все понятно?

– Нет, – вступила в разговор Лиза. – Зачем нужно искать человека, который поставит прослушку? Вы думаете, Слава сам не сумеет? Он, между прочим, кандидат технических наук.

– Ни капли не сомневаюсь в способностях вашего мужа, – неприятно усмехнулся Николай. – А подобрать ключ и открыть чужую дверь, не повредив замок, чтобы хозяева ничего не заметили, он тоже сумеет? И сигнализацию отключить, если она есть?

Об этом Боровенко не подумали. И в эту секунду им впервые стало по-настоящему страшно. Одно дело – следить, наблюдать, никаких законов не нарушая. Даже подслушивать – это... ну, словом, как-то еще ничего. Но вскрывать дверь чужой квартиры...

– Есть еще немаловажный момент, о котором вы наверняка не подумали, – продолжал Николай как ни в чем не бывало. – Вам нельзя светиться в подъезде, где живет писатель, толочься на площадке перед его квартирой и давать возможность соседям себя увидеть и запомнить.

– Почему?

– Потому что вам может понадобится вступить в контакт с Богдановым под какой-нибудь легендой, и совсем ни к чему, чтобы кто-то из соседей вспомнил, как вы ковырялись в замке его квартиры. И вообще, что вы бывали уже в этом доме.

Да уж, так далеко замыслы супругов Боровенко не заходили.

– И где нам искать такого человека?

– Это на ваше усмотрение. Можете даже попросить кого-нибудь из своих знакомых. Важно, чтобы вы сами там не показывались. Но я вам могу посоветовать найти хорошего вора-домушника, он с этим справится без проблем.

– Да где же мы его найдем?! – в отчаянии воскликнула Лиза. – Вы же милиция, вы могли бы сами... ну хоть познакомить нас с ним... или я не знаю...

Она окончательно потеряла контроль над собой и готова была расплакаться. Голос Николая между тем внезапно стал холодным и отчужденным.

– Кто вам сказал, что я из милиции? С чего вы это взяли?

– Но ведь Андрей Степанович... Мы думали... – бормотала беспомощно Лиза, вцепившись пальцами в рукав куртки сидящего рядом мужа. – А разве нет?

– Нет. Андрей Степанович просил меня консультировать вас и при необходимости помогать, что я и делаю, – повторил он хорошо знакомую супругам Боровенко фразу. – И на этом все.

На следующий день Николай, как и обещал, передал им технику и оставил Славу и Лизу наедине с новыми проблемами. Супруги, раздавленные свалившейся на них необходимостью искать (неизвестно где!) уголовного, даже не могли разговаривать друг с другом. Слава молча ходил из угла в угол и жалел, что несколько лет назад бросил курить, Лиза так же молча сидела в кресле, поджав под себя ноги, и бессмысленно теребила бахрому шелкового платка, наброшенного на плечи.

– Лилька, во что же мы с тобой вляпались? – наконец негромко произнес Вячеслав. – Это же чистый криминал. А начиналось все так невинно... Писатели, книжки, интервью... Мне и в голову прийти не могло, что этим закончится.

– Славочка, не надо рефлексировать, пожалуйста, – отозвалась жена. – Во что бы мы ни впутались, мы все равно уже впутались. Еще тогда, когда Юрик попал в «обезьянник» за кражу, а мы его вытаскивали и платили ментам. Тогда, в первый раз, когда он еще в десятом классе был, помнишь? Мы с тобой тогда решили: все, что угодно, только не тюрьма для мальчика. И когда он попал уже по-настоящему, за групповое изнасилование, мы пошли этим же путем. И теперь мы не можем отступить. Иначе он сядет. И мы вместе с ним, за дачу взятки. Давай не будем думать, как так получилось, давай думать о том, что делать дальше.

– Что делать, что делать! – внезапно взорвался он. – Уголовника искать, вот что делать! Ты хотя бы представляешь себе как?

– Не кричи. От твоего крика проблема не решится сама собой. Нам не обязательно искать уголовного, вполне подойдет опытный слесарь.

– А сигнализация? Мы даже не знаем, есть ли она у Богданова, и если есть, то какая именно. Как это выяснить?

– Ну, воры же как-то выясняют...

– Вот именно. Значит, ни о каком слесаре не может быть и речи, нужен именно уголовник.

– Хорошо, – согласилась Лиза, – пусть будет уголовник. И все равно мы должны не волосы на голове рвать, а думать.

– Я и думаю, – проворчал Вячеслав.

Снова на некоторое время воцарилось молчание. Лиза решила пойти самым простым путем и начала мысленно перебирать своих знакомых, а также жильцов своего дома. Может, кто-то из них сидел? Или кто-то из их родственников... Черт возьми, так много воров в стране, тюрьмы, говорят, переполнены, а когда нужен всего один, так не знаешь, где его взять!

Решение пришло в голову неожиданно. На рынке. На рынке есть все. Продукты, вещи. Наркотики, оружие, поддельные документы. И воров.

На следующее утро Вячеслав отправился на ближайший к их дому рынок. Сколько лет прошло с тех пор, когда они с Лизой покупали вещи на таких вот рынках? Как посмотреть. Семь лет – это много или мало? Семь лет назад они оба, по образованию инженеры-пищевики, работали на умирающем мясокомбинате и получали зарплату из госбюджета, да и ту нерегулярно. Потом комбинат был перекуплен финнами, весь персонал уволен, но супругам Боровенко удалось прорваться в ряды тех, кого заново приняли на работу. Они и в самом деле были толковыми инженерами, у Вячеслава – около сорока патентов и два изобретения, у Елизаветы – чуть больше двадцати, и новые хозяева это оценили. Теперь они – люди состоятельные, на вещевых рынках ничего не покупают. Хотя вещи здесь попадаются очень даже приличные, спору нет, но статус, статус... Человек, зарабатывающий пять тысяч долларов в месяц, просто не может себе позволить одеваться на рынке. Так считала Лиза, и хотя Слава этой позиции не разделял, но поступал в соответствии с желанием жены. Ему было все равно, что носить, лишь бы было функционально и хорошо сидело, но не спорить же по таким пустякам, есть вещи и поважнее.

Вячеслав огляделся, походил по рядам и быстро вычленил несколько фигур, которые могли бы ему подойти. Для этого нужно было только обратить внимание на возникающие то и дело конфликты и на тех, кто немедленно появлялся, чтобы их «развести» или «разрулить». Понаблюдал еще примерно с полчаса и из этих нескольких выделил одного: если и не смотрящего, то совершенно точно его приближенного, уж больно подобострастно здоровались с ним стоящие за прилавками торговцы, и уж очень много напряжения было в их глазах, когда они смотрели ему вслед.

– Мужик, ты здесь главный? – негромко спросил Слава, подходя к нему.

– Чего надо? – услышался ответ «по существу».

– Нужен хороший инструмент. И к нему – толковый человек. Работа несложная. Тебе – сто баксов за хлопоты, ему – пятьсот за работу. Сговоримся?

Цены, которые называл Боровенко, были им взяты «с потолка», он понятия не имел, сколько стоят такие услуги.

– Ты меня за кого держишь? – надменно цыкнул зубом рыночный начальник.

Слава внутренне дрогнул, но удержался от того, чтобы торопливо извиниться и бежать без оглядки. А очень хотелось.

– За человека, который решает проблемы, – вымученно улыбнулся он. – Ты ведь решаешь проблемы?

– Ну.

– Вот и реши мою. Или твои услуги стоят дороже?

– Ладно, пошли, перетрем базар.

«Базар терли» недолго, и проблема была сформулирована следующим образом: ни о какой квартирной краже речь не идет, просто нужна помощь в поиске человека, хорошо раз-

бирающегося в замках и ключах, даже не сейфовых, а так, дверных, плевое дело. И никакого криминала, боже упаси. Человека Славе пообещали подыскать к завтрашнему дню.

– Это точно, что работа несложная?

– Сто процентов, – покривил душой Боровенко, потому как сам не понимал, сложная ли это работа: войти в квартиру писателя Богданова. Может, и сложная, если там замок навороченный и сигнализация хитрая, а может, и ерундовая совсем.

– И за все про все ты готов отдать шестьсот баксов?

– Точно, – подтвердил он.

– Тогда так. За работу – сотня, остальное мне. За несложную работу сто баксов и то много. И все расчеты через мои руки. С человеком, которого я дам, денежные вопросы не обсуждать. Он – исполнитель, «шестерка».

«А за твои хлопоты полштуки баксов – не много?» – мысленно съехидничал Слава, но вслух произнес, конечно, совсем другое.

Было бы наивным думать, что рыночный «менеджер» окажется порядочным и добросовестным. Слава на это и не рассчитывал. На следующий день к нему подвели человека, готового за сто долларов сделать все, что нужно. При одном взгляде на него Слава понял, что этот выполнит бы работу и за пятьдесят. Наверняка именно столько он и получит в итоге от «менеджера» (Слава догадывался, что в криминальном мире для должности, которую тот занимал в рыночной иерархии, есть какое-то специальное жаргонное название, но слова этого он не знал, поэтому про себя и в разговорах с Лизой называл его именно так: «менеджер»), который прикарманит себе, помимо обещанных пятисот за хлопоты, еще и львиную долю от остальных денег. Но это их дела, пусть сами разбираются. Для Славы Боровенко главное – дело сделать.

Парень по имени Мишаня был хлипким, прыщавым и напрочь отмороженным. Сразу видно, что наркоман. Да бог с ним, лишь бы с дверью управился и глупостей не наделал.

Несмотря на прыщавость, внешнюю хлипкость и отмороженность в суждениях, парень оказался сообразительным. Но, однако же, потребовал объяснений. Как это так, ничего не брать? А на хрена ж тогда хату вскрывать? Прослушку поставить? Это что же, шпионские дела? Не, так дело не пойдет, на фээсбэшные срока он не подписывался, голова дороже.

– Да успокойся ты, Миша, никакого шпионажа. В квартире живет писатель, обыкновенный писатель, старенький. Но понимаешь... как бы тебе объяснить... Ты в политике что-нибудь понимаешь?

– Да нужна она мне! – Мишаня небрежно сплюнул себе под ноги. – Чего с нее толку?

– В общем, я журналист, веду журналистское расследование о связях некоторых партий с якобы независимой прессой. А этот писатель – он со всеми главными редакторами знаком, и есть информация, что деньги от партий к газетчикам идут через него. Он такой благообразный, почтенный, лауреат всяких там премий, короче, на него никто не подумает. А я уверен, что он там всеми делами заправляет. Но мне нужно знать точно. Поэтому я хочу послушать, о чем он разговаривает со своими гостями и по телефону. Ясно тебе?

По Мишаниному виду было понятно, что ни черта ему не ясно и что половину слов он не понял вообще, а другую половину не смог соединить в связную мысль.

– А он точно писатель? Не депутат какой-нибудь там, не генерал?

– Да точно, Миша, точно. Вот, смотри, я специально прихватил с собой, как знал, что ты спросишь. – С этими словами Слава Боровенко вытащил из сумки изрядно зачитанный посетителями библиотеки томик серии «Факел». Роман о жизни Николая Баумана, автор Глеб Богданов, на первой стороне обложки – фотография знаменитого революционера, на четвертой стороне – фото писателя. – Вот его квартиру нужно открыть. Про сигнализацию ничего не скажу – не знаю. Может, ее и вовсе нет. Но я тебе плачу за то, чтобы ты сам это выяснил. Сумеешь?

– А чего там, сделаем. – Миша снова сплюнул и облизал губы. – Не в первый раз замужем. Адресок знаешь?

– Конечно.

– Сколько в хате народу?

– Двое. Писатель и его домработница, совсем дряхлая, на ладан дышит. Писатель по утрам на два часа уходит гулять, но старуха в это время дома, а когда она уходит в магазин, тогда он дома. В общем, нужно ловить момент, когда их обоих не будет.

– Ладно. – Миша вздохнул как-то особенно жалостливо, и Слава понял, что сейчас он начнет просить деньги.

Так оно и случилось.

– Авансик бы, – с деланным равнодушием бросил парень, глядя в сторону.

Слава достал из кармана заготовленную пятисотрублевую купюру.

– Деньги все полностью получишь от него, – он неопределенно махнул рукой в сторону, где находилась будка «менеджера». – Это тебе не аванс, а премиальные. Только между нами.

– Само собой, – Мишаня широко улыбнулся, и купюра мгновенно исчезла из поля зрения. – Говори адрес.

Вечером того же дня хлипкий воришка сообщил, что никакой сигнализации в квартире Богданова нет и что работу он обещает выполнить в первый же момент, как только хата опустеет.

– Квартира наверняка большая, ты сориентируйся, чтобы «жучок» стоял в том месте, откуда все слышно, – напутствовал его Вячеслав.

– Да ясно, что не в сортире его втыкать, – ухмыльнулся Миша.

– И не в спальне, и не на кухне. У писателя наверняка есть кабинет, все деловые разговоры там происходят. И про телефонные аппараты не забудь.

– Да ладно учить-то... Соображу как-нибудь. Чего ты всего одного «клопа» ставишь? Поставил бы несколько, во всех комнатах, и голова бы не болела. – Не достал, – вздохнул Слава. – «Клопы» денег стоят, а я не олигарх какой-нибудь. У журналистов зарплата маленькая.

Ждать подходящего момента пришлось четыре дня. С половины десятого утра, когда Богданов уходил для совершения моциона, и до одиннадцати вечера, когда в окнах квартиры гас свет и становилось понятно, что писатель лег спать и уже никуда не уйдет, Слава добросовестно дежурил, сидя в машине в обществе то лениво подремывающего, то потягивающего из банки пиво Мишани. Пил Мишаня неаккуратно, пиво то и дело проливалось, текло по его руке, оставляло следы на куртке и капало на пол. «Машина вонять будет», – с досадой думал Боровенко, брезгливо косясь на грязные Мишанины руки, встречавшиеся с мылом недели две назад, если не больше.

Наконец им повезло, писатель ушел гулять, а через некоторое время из подъезда вышла старуха-домработница и засемила торопливыми шажками в сторону супермаркета.

– Давай быстро! – Слава сильным тычком разбудил спящего Мишу. – Просыпайся, урод!

Тот сонно потянулся, прихватил сумку с инструментами и вышел из машины. Вернулся он через двадцать минут. Лицо его уже не было сонным и ленивым. Он выполнил работу и знал, что через час – именно столько времени ему потребуется, чтобы добраться до рынка, – получит деньги. Ох и раскумарится же он на такие бабки!

– Ну? – коротко спросил его Слава.

– Все сделал, – так же коротко ответил Мишаня.

– Почему не проверил технику? Мы же договорились, как поставишь «жучок», сразу же начнешь говорить из разных комнат и от разных телефонов, чтобы я мог убедиться, что все слышно, – с досадой упрекнул Вячеслав.

– Да ну... забыл я, – равнодушно бросил парень. – Там телефон всего один на всю хату, в прихожке на столе стоит.

– Как – один? – не поверил Боровенко. – Не может быть.

– Точно говорю. Я все комнаты проверил. Нигде нет аппаратов, только в прихожке. Я еще подумал, как этот старый хрыч по всей хате скачет, когда телефон звонит? И не лень же. Короче, я «клопа» воткнул так, что до телефона и до кабинета совсем близко получилось, там еще столовка есть типа гостиная, что ли, и комната с камином, их тоже будет слышно. А насчет кухни, спальни и еще одной комнаты – не гарантирую. Если двери не закрывать, то услышишь, а если закроют – тогда не знаю. Уж больно хата большая, я и так самое лучшее место нашел.

– Ладно, Мишаня, спасибо тебе за работу. Если что не так – я знаю, как тебя найти, ты это имей в виду, – на всякий случай добавил Слава.

– Ага, ищи, – скривился Миша. – Если что понадобится, ты знаешь, как меня найти. Ну, бывай.

И потрусил к метро. А Слава немедленно перезвонил Лизе и велел приезжать к дому Богданова. Сегодня среда, одиннадцать утра, через полчаса Глеб Борисович вернется с прогулки, а через час придут его соавторы. И будет что послушать. Может быть, уже сегодня они все узнают.

Но им не повезло. В тот день они слушали про умершего мальчика и разговоры его души с богом, про прокисший борщ, про нравы в среде студентов театрального института, про амбиции Глафиры Митрофановны, которую Василий Славчиков называл бабой Глашей и которая считала, что испорченный суп нанес сокрушительный удар по ее репутации и что Глебушка должен немедленно вызвать милицию, про проработку характера какого-то режиссера, поступки которого не укладываются в схему цельного характера, и нужно сначала придумать его биографию и душевный склад, чтобы понимать, как он может поступать и как не должен... В общем, слушали супруги Боровенко в тот день о чем угодно, только не о том единственном, что их интересовало.

Глава 3

Настя неторопливо дочитала последнюю из немногочисленных страничек, закрыла папку и посмотрела на Короткова с нескрываемой скукой.

– И что это?

– Убийство, что же еще, – откликнулся Юра, вгрызаясь в яблоко, которое еще пять минут назад лежало, тщательно вымытое, на блюдечке и дожидалось, пока Настя Каменская съест его вместо обеда. – Сочное какое! Как называется?

– Симиренка. Я теперь буду от голода пухнуть, а ты мне еще эти бумажки подсунул. Зачем мне это?

– Это, мать, не бумажки, а приказ начальства. Если бы ты посещала оперативки...

– Меня Афоня отпустил, я у следователя была, – сказала она быстро, словно оправдываясь, хотя с чего бы это ей оправдываться перед Юркой, с которым она вместе работает вот уже без малого двадцать лет. Цифра показалась ей ошеломляющей, и Настя даже запнулась на мгновение. Да, точно, в следующем году будет ровно двадцать лет, как она пришла на службу в уголовный розыск. Они с Юркой – старожилы, сегодня мало найдется оперов, которые просидели бы на одном месте столько лет. Люди растут, карьеру делают, вон Юра, к примеру, уже заместитель начальника отдела, а она как была старшим оперуполномоченным, так и останется, пока на пенсию не турнут. Она женщина, а женщинам в уголовном розыске, как правило, карьеру сделать не дают, оперативная работа испокон веку считается сугубо мужской, и женщин здесь всего лишь терпят. И все-таки двадцать лет...

– Ты чего? – насторожился Коротков, заметивший, что она думает о чем угодно, только не о деле. – Болит что-нибудь?

– Да нет, просто вспомнила, сколько лет мы с тобой в одном отделе пашем. Ты пришел к Колобку в восьмидесятом, я в восемьдесят четвертом, а из тех, кто с нами вместе начинал, никого ведь не осталось, кроме Доценко, да и тот уже другую работу себе присмотрел, ему семью кормить надо. Мы с тобой уже как реликтовые деревья.

Настины пессимистические пассажи Короткова, однако, не обескуражили и с толку не сбили. Несмотря на веселье в глазах и наполненный энтузиазмом хруст, с которым он жевал твердое сочное яблоко, Юра хорошо помнил, зачем пришел в кабинет Каменской, и твердо знал, чего должен добиться.

– Ну и что? Реликтовые так реликтовые, лишь бы зарплату платили. Так ты не отвлекайся, подруга, ты давай к делу поближе. Афоня на совещании радостно объявил, что мы берем это дело на контроль. И в оперативно-следственную группу включаешься ты для оказания практической помощи.

– Почему я? У меня что, нагрузка меньше, чем у остальных? Я тут без работы штаны просиживаю, что ли? – возмутилась Настя.

– Аська, не вредничай. Это я постарался, Афоню уговорил. Ну ты посмотри, какое дело, а? Конфетка! Предприниматель средней руки убил свою беременную жену. Чего тут делать-то? Ты все концы с концами в два счета сведешь, и у тебя будет раскрытие. Чем плохо-то? Я ж для тебя, дурочки, старался. Никакой экономики, никакой политики, никакой мафии, не к ночи будь она помянута. Сплошное внутрисемейное дело, как раз как ты любишь. Чего ты нос-то воротишь?

– Юра, я все понимаю, кроме одного. Почему это дело оказалось у нас на контроле? Мы что, окружное управление? Или убили члена правительства? Если убита обыкновенная жена обыкновенного предпринимателя, к тому же все уверены, что он сам же ее и замочил, то при чем тут Петровка? Можешь называть меня дурочкой, дурой или полной кретинкой, но я не понимаю.

Коротков аккуратно сгрыз остатки мякоти с того, что еще недавно было круглым зеленым яблоком, и бросил огрызок в мусорную корзину. Вытащил из кармана джинсов платок, тщательно вытер руки и принялся рассматривать его с повышенным интересом, словно найденную на месте преступления улику.

– Юра! – напомнила о себе Настя. – Я вопрос задала. И пока не услышу ответ, дело по существу мы с тобой обсуждать не будем.

Он тяжело вздохнул, неторопливо сложил платок и убрал в карман.

– Тебе дал указание Афоня, наш с тобой общий начальник отдела. Ему дал указание наш любимый генерал, начальник МУРа. Начальнику МУРа дал указание наш еще более любимый генерал – начальник ГУВД. А вот кто дал указание начальнику ГУВД, я не знаю. Возможно, это была его личная инициатива, возможно, его по-дружески попросили, а может быть, и приказали. Но это уже не мой уровень, Ася. Все, что ниже начальника МУРа, я могу отследить достоверно, а то, что выше, – извини.

– Но хотя бы то, что касается нашего генерала и ниже, – это точная информация? Или твои домыслы?

– Точная, – усмехнулся Юра.

– Гарантируешь?

– Ася, я столько лет здесь проработал, что в этих стенах просто не найдется человека, который рискнет чего-то мне не сказать, если я спрашиваю. Ты ж сама говоришь: реликтовое дерево. Кстати, я тут недавно в отдел кадров забежал, ну и ради смеха спросил, сколько еще в розыске оперов с таким стажем, как у меня. Ни одного! Не осталось ни одного сыщика со стажем в двадцать три года. Попробовали бы эти салаги на мои вопросы не ответить!

– То есть ты уверен, что Афоня сам не брал это дело к нам? – на всякий случай уточнила она. – Это не его блажь?

– Нет, Аська, точно не он. Он сам ничего не понимает. Перед оперативкой вызвал меня и спрашивал, не знаю ли я, в чем тут фокус. Но поскольку он подозревает, что фокус какой-то есть, он велел мне самому подключиться и взять дело на контроль. А я уже попросил насчет тебя.

– Ах вот в чем дело! – протянула Настя со смехом. – Так это ты не ради меня старался, а ради себя. Ну ты и пройдоха, Юрик. Ладно, будем считать, что пилюлю ты подсластил, все-таки не одна буду мучиться. Теперь скажи-ка мне, дружок, почему ты решил, что предприниматель Сафронов сам убил свою жену? Из вот этих вот листочков, – она постучала пальцами по тоненькой папке, – ничего такого не следует.

Из того, что Настя прочитала в материалах, было видно только, что некто Сафронов Егор Витальевич пять дней назад сильно обеспокоился отсутствием своей супруги, прождав ее дома до глубокой ночи, затем принялся обзванивать ее подруг, затем звонил в больницы и справочную о несчастных случаях, а в семь утра догадался наконец съездить на квартиру, в которой означенная супруга проживала до замужества. Открыл дверь имеющимися у него ключами и обнаружил дорогую супругу Елену в вышеупомянутой квартире в виде остывшего тела. И тут же вызвал милицию. Протокола осмотра места преступления не было, поскольку он, как и полагается, находился у следователя в материалах уголовного дела. Сделать ксерокопию и вложить в контрольно-наблюдательное дело почему-то никто не догадался.

– Юр, кто дело заводил, ты?

– Ну, я. А что?

– Документов мало, – вздохнула Настя. – Ленишься? Или не успел?

– Аська, совесть имей, а? Да я вообще гигантскую работу провернул после того, как приказ получил. У тебя и этих бумажек не было бы, если бы я не воспользовался личными связями.

– Это какими же? – с подозрением спросила она.

– Все тебе скажи, – проворчал Коротков. – Стараешься ради нее, стараешься, ноги, можно сказать, до мозолей стираешь, а она вечно недовольна.

– Ты на машине едешь, а не ногами ходишь, – мрачно заметила Настя, снова открывая папку. – Не дави на жалость.

– Мало того, что вечно недовольная, так ты еще и злая! Ну, Ася, ну в самом деле, чего ты кислая такая? Все тебе не так, все тебе не нравится. Ты прямо на себя не похожа.

– Ну извини, – бросила она, не глядя на Юру. Получилось сухо и как-то невежливо, и Настя даже немного расстроилась из-за того, что так глупо, так по-свински себя ведет. И с кем? С Юркой, с лучшим и давним другом, самым близким ей человеком после мужа.

– Из-за экзамена переживаешь, да? – догадался он.

– И из-за него тоже.

– Ну и зря! Вот честное слово, напрасно ты переживаешь, Аська. Ты просто привыкла всегда быть лучше всех и не можешь смириться с тем, что в чем-то ты не лучше, не отличница. Да наплюй!

Настя почувствовала, что опять готова расплакаться. Да что же это с ней такое-то! Откуда эти слезы? Ведь не обидел никто, не ударил, не унизил, не оскорбил.

– Глупости, Юрочка, – она постаралась говорить ровным тоном, чтобы Коротков ничего не заметил, – я никогда не стремилась быть лучшей. Если получалось быть лучшей, я этому радовалась, но никогда к этому специально не стремилась. Я действительно плохо отвечала на экзамене, это объективно, и это меня расстраивает. Если я хорошо знаю материал, чувствую его, понимаю, но не могу из-за волнения внятно его изложить, значит, у меня есть определенные дефекты, о которых я раньше не знала. Но ведь это не первый экзамен в моей жизни, и такого со мной никогда не случалось. Значит, это дефект новоприобретенный, понимаешь? У меня его не было, а теперь он есть. А какие еще дефекты, которые могут помешать работе, у меня появились? Я о них еще не знаю, а они себя проявят в самый неожиданный и неподходящий момент. Меня это напрягает. Я все время об этом думаю. И все время боюсь.

– Понимаю, – кивнул Коротков. – Когда ты внятно излагаешь, даже я тебя понимаю. Ладно, кончай грустить, посмотри лучше бумажки повнимательнее.

– А что там? Я все прочла.

– Видать, не все, если такая мрачная. Ты обратила внимание на фамилию опера, который занимается этим делом?

– Нет! – Настя снова открыла папочку и пробежала глазами первый же листочек. – Чеботаев.

Она радостно вскинула глаза на Короткова и улыбнулась.

– Андрюша, что ли?

– Он самый. Вместе со своим молодым энтузиазмом и длинными ресницами. Теперь понимаешь, как мне удалось так быстро раздобыть все материалы? Нам с тобой, считай, крупно повезло, Андрюха нормальный парень, одеяло на себя перетягивать не станет и гонором не замучает. Между прочим, он недавно женился.

– Значит, скоро уйдет из розыска, – заметила она. – Ему, как и Доценко, семью кормить надо. Вот так и разбегаются лучшие кадры.

– Да ладно, – возмутился Коротков, – не каркай, я же никуда не уйду.

Настя скептически приподняла брови.

– А ты что, женился? Вчера вечером ты, по-моему, был еще разведенным холостяком. Неужели за ночь успел?

– Вот представь себе, – он вздохнул, и непонятно было, чего в этом вздохе больше, уныния или тревоги. – Вчера сделал Ирке предложение. Понимал, что надо, что неприлично

столько времени тянуть, но втайне надеялся, что она откажется. А она, дурочка, радостно его приняла. Чего теперь делать-то, Аська?

– В ЗАГС идти, больше ничего не остается, – рассмеялась Настя. – Слава богу, наконец-то я тебя дождала. Полтора года все капала тебе на мозги, капала, думала, уж не дождусь результата. Дай я тебя поцелую, жених ты мой ненаглядный.

Она потянулась к Юре и крепко прижалась губами к его щеке.

– Когда-то я был для тебя солнцем незаходящим, – заныл тот, – а теперь что, все? Кончилась малина?

Настя с улыбкой смотрела на него, а мысль, как и все последние недели, соскальзывала на одну и ту же тропу: возраст, старость. Юрка старше ее на четыре года, ему сорок семь, голова почти вся седая, а вот ведь начинает новую жизнь, собирается жениться на красавице-актрисе Ирине Савенич, тридцати трех лет от роду, и ничего, не боится. Ему не кажется, что все позади, что он уже ничего в этой жизни не сможет, что ни на что нет и больше не будет ни сил, ни вдохновения. Может быть, к мужчинам этот страх приходит значительно позже, чем к женщинам? Или не приходит вообще?

* * *

Егор Витальевич Сафронов оказался рослым крепким мужчиной лет около сорока, с хорошо вылепленным красивым лицом, которое не испортило даже выражение неприкрытой неприязни. Был он энергичным, нервным и очень агрессивным, а вовсе не раздавленным горем, как ожидала Настя.

– Почему вы ничего не предпринимаете? – накинулся он на нее, едва Настя переступила порог его квартиры и представилась. – Неужели даже на Петровке работают такие же бездельники, как и всюду? Никто ничего не делает, только время тянете. Что вы сделали, чтобы найти убийцу Лены?

Да, подумала она, похоже, Юра Коротков прав, этот Сафронов ведет себя именно так, как ведут себя убийцы, прикидывающиеся жертвами. В принципе у родственников погибших бывает два типа поведения: или глубокое горе и апатия, или враждебность и агрессия. И то, и другое поведение совершенно нормально, но есть некая едва уловимая грань, за которой начинает чувствоваться притворство. И опытные оперативники переход этой грани обычно улавливают.

Однако вопрос, который поставил Сафронов, был справедлив. Его поведение и в самом деле вызывало подозрения, поэтому все пять дней, прошедшие с момента совершения преступления, ушли на то, чтобы проверить и опровергнуть его алиби и найти мотив, по которому предприниматель мог захотеть убить беременную жену. Никакие другие версии не проверялись.

– Егор Витальевич, – сухо сказала Настя, – в своих действиях мы отчитываемся только перед начальником и перед следователем, а никак не перед вами. Не ставьте меня в неловкое положение. Мне нужно задать вам ряд вопросов...

– Да сколько же можно! – взорвался Сафронов. – Вы все время только и делаете, что задаете мне вопросы, вместо того чтобы искать убийцу. У вас что, других методов работы нет? Когда я звонил вашему замминистра, я рассчитывал, что дело будут вести самые опытные, самые лучшие сотрудники, а мне опять подсовывают любителей поболтать! Женщину прислали! Совсем обнаглели!

Ох ты, мать честная, как интересно-то все получается! Выходит, господин Сафронов сам захотел, чтобы дело взяли на контроль на Петровке, и даже воспользовался для этого личными связями. Интересно, зачем? Ему не понравилось, что Андрей Чеботаев совершенно недвусмысленно копает под него? Вполне логично. А вот мы возьмем и сделаем ход

конем: будем требовать самых лучших сыщиков, демонстрируя острую заинтересованность в поиске преступника, а заодно и привлечем к делу других сыщиков, которые, надо надеяться, не пойдут на поводу у настырного опера Чеботаева и станут разрабатывать другие версии. Время будет идти, интенсивность работы постепенно снизится, а там, глядишь, и вовсе сойдет на нет... Белыми нитками шито.

Настя решила на провокации не поддаваться и быть смиренной и терпеливой. И главное: ничего не понимающей.

– Егор Витальевич, если вы сумели добиться, чтобы к расследованию убийства вашей жены подключились сотрудники с Петровки, значит, вы недовольны тем, как работают оперативники в округе. Я допускаю, что у вас для этого есть основания. И я доверяю вашим ощущениям. Вы понимаете, что это означает?

– Ну и что это означает? – злобно буркнул Сафронов.

– Это означает, что я должна проконтролировать, что и как сделали сотрудники криминальной милиции в округе, чтобы выявить их недобросовестность. Иными словами, я должна переделать всю работу заново, чтобы убедиться, что они схалтурили. Понимаете?

– Ну ладно, раз так, – раздраженно произнес муж погибшей. – Спрашивайте.

– Давайте начнем с самого начала, – предложила Настя.

– Снова-здорово... Вы все нервы мне вымотаете. В субботу Лена должна была вернуться домой в десять вечера...

– Да нет, Егор Витальевич, вы меня не так поняли, – мягко прервала его Настя. – С самого начала. С того момента, когда вы познакомились с Еленой.

– Это еще зачем? – неpritворно удивился Сафронов.

– Пожалуйста, – настойчиво повторила она, – именно с этого момента. Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Примерно год назад.

– А точнее можете сказать?

– Точнее – в ноябре прошлого года. Лена поступила на работу в мой салон в качестве администратора. Вот тогда мы и познакомились.

Да, припомнила Настя, в материалах есть сведения о том, что Егор Сафронов – владелец салона красоты «Нимфа», а его жена работала там администратором, но Настя отчего-то была уверена, что Егор Витальевич привел на эту должность свою любовницу, на которой впоследствии женился. А оказывается, все было не так. Что ж, послушаем, как же было на самом деле.

– У вас сразу сложились близкие отношения?

– Нет, далеко не сразу. У нас вообще не было никаких отношений до марта, Лена знала, что я – хозяин, я знал, что она – администратор, не более того.

– И что случилось в марте?

– То, что всегда случается, – криво усмехнулся Сафронов. – Видите ли, я открыл новый салон в сентябре прошлого года, там было еще множество недоделок, например, сауну не дооборудовали, солярий, в душевую при зале для аэробики фены не завезли, но я все равно открылся, у меня уже работали кабинеты косметолога, массажа и маникюра. Когда пришла Лена, я сразу понял, что она очень ответственный человек и в ее смену мне нет необходимости торчать в салоне целыми днями, чтобы следить за мастерами и за поставками оборудования, она вполне может справиться и без меня. В конце дня я приезжал, и она показывала, что и как сделано.

– Елена работала через день?

– Администраторы у меня работают два дня через два. Когда работала ее напарница, мне приходилось за всем следить самому. Не знаю, известно ли вам, но у меня, кроме «Нимфы», есть еще две парикмахерские и небольшое кафе, так что я не мог все свое время

посвящать только салону, и когда работала Лена, у меня была возможность заниматься другими делами. Ну и вот... однажды в марте я приехал вечером, когда салон уже закрывался, и Лена стала показывать мне бассейн при сауне, его как раз закончили отделывать. Знаете, настроение у меня такое было... Да и у нее тоже. Короче, вы понимаете.

– Понимаю, – кивнула Настя. – И до того дня ничто в ваших отношениях не позволяло предположить такое внезапное сближение?

– Абсолютно, – Егор потряс головой. – Простите, может быть, чаю хотите? Или кофе? Разговор у нас, судя по всему, получится длинным.

– Кофе, если можно, только некрепкий, – попросила она.

Сафронов вышел из комнаты, и Настя наконец смогла осмотреться, не боясь показаться невоспитанной. Квартира у Сафронова была не очень большой для владельца двух парикмахерских, салона красоты и кафе, по крайней мере, Насте казалось, что предприниматели такого пошиба должны жить побогаче. Впрочем, в малом бизнесе она разбиралась не слишком хорошо, если не сказать – совсем не разбиралась. Может быть, Сафронов живет в этой квартире давно и копит на новую, большую, в элитном доме. А может, его бизнес не приносит сногшибательных доходов. Или приносит, но деньги тратятся на что-то другое. Например, на загородный дом. Кстати, надо бы узнать, что там у семьи Сафроновых с недвижимостью, собственностью и наследованием. Если Егор Витальевич действительно сам убил жену, то должен же быть у него мотив. Возможно, этот мотив лежит в области личных переживаний, а возможно, в области сугубо материальной.

Хозяин вскоре вернулся, неся в обеих руках по дымящейся чашке. Ни блюдец, ни сахарницы, ни вазочки с печеньем. Не было даже вопроса о том, класть ли сахар и если класть, то сколько. Не угощение гостя, а раздраженное одолжение, дескать, на, пей свой кофе и уматывай побыстрее. Странно, ведь Настя ни о чем его не просила, он сам предложил... Что это, невежливость или полное отсутствие представления о госте-приимстве? Или хорошо продуманная роль внешне активного и агрессивного, но внутренне сломленного горем человека, который даже плохо понимает, что делает? Тоже возможно.

Настя сделала глоток и невольно поморщилась: кофе оказался, несмотря на ее просьбу, крепким, а главное – горьким.

– Простите, у вас сахара не найдется? – спросила она.

– Что? Сагара? – Сафронов словно очнулся. – А, да, конечно, сейчас принесу.

Сахарницу он принес, но зато не подумал о ложке, и ему пришлось выходить на кухню еще раз. Что же это, настоящая растерянность перед лицом внезапно свалившейся утраты, умело разыгрываемый спектакль или отсутствие элементарных навыков в ведении хозяйства?

– И так, с марта нынешнего года вас с Еленой связывали уже близкие отношения, верно? – продолжила Настя.

– Нет, неверно. После того случая нас по-прежнему ничего не связывало, – ответил Егор довольно резко.

Что ж, и такое бывает, подумала она, и даже чаще, чем некоторые предполагают.

– И тем не менее в августе вы поженились. Егор Витальевич, не заставляйте меня тянуть из вас каждую фразу клещами.

– Но я не понимаю, какое отношение к убийству имеют мои отношения с Еленой до брака! Вы просто тянете время, потому что не знаете, как со мной разговаривать, что спрашивать и где искать преступника!

Он снова начал заводить и повысил голос. Интересно, почему он не хочет говорить на эту тему? Что-то скрывает? Что-то важное для понимания мотива убийства? Ладно, чего он сам не скажет – скажут другие, у чужих интимных отношений всегда почему-то множество свидетелей, но хорошо бы выслушать и его версию событий.

– Егор Витальевич, нам необходимо понять, каким человеком была ваша жена, какой у нее был характер, какой склад мышления. Только после этого мы сможем строить версии о том, что она могла сделать такого, что привело в конце концов к трагедии.

– Так спрашивайте! Спрашивайте меня о ее характере, о ее вкусах, увлечениях, а не о том, как развивались наши с ней отношения! И не пытайтесь меня обмануть или запутать!

Ну вот, приехали. Чего это он так разбушевался? Всего несколько минут назад спокойно рассказывал о том, как познакомился с Еленой и как впервые переспал с ней, кофе предложил, сам сказал, что разговор будет долгим, а тут вдруг... Что ему не понравилось в Настинном вопросе? Вопрос-то самый обыкновенный и лежащий на поверхности: что произошло между мартом, когда «никаких отношений еще не было», и августом, когда в паспортах Егора и Елены появились штампы о регистрации брака.

– Егор Витальевич, я не хочу быть грубой, но мне придется попросить вас не повышать на меня голос, – тихо сказала Настя. – Вы сами хотели, чтобы убийством вашей жены занимались оперативники с Петровки, вы сами сказали своему приятелю-замминистра, что недовольны тем, как работают мои коллеги с «земли», вы называли их дармоедами, придурками и обвиняли в непрофессионализме. Ведь так?

Она совершенно не знала, какие именно слова говорил Сафронов, когда звонил своему знакомому в министерство, но поскольку Егор Витальевич был далеко не единственным на этом свете, поступившим подобным образом, то Настя примерно представляла себе, что в таких случаях говорят. Ведь большинство такого рода переговоров рано или поздно доходят до сыщиков почти дословно.

Сафронов не ответил, глотая горький кофе с выражением обиды и гнева на красивом лице.

– То, что делалось до меня, вы сочли неправильным, – спокойно продолжала она. – Я задаю вам другие вопросы, то есть иду по другому пути, а вы все равно сердитесь. Вам опять не нравится, как работают сыщики. Почему? Вы заранее уверены, что мои вопросы неуместны, а ответы на них не дадут мне информацию для поиска убийцы. Не слишком ли много вы знаете, а, Егор Витальевич?

Из его глаз выплеснулась ярость и мгновенно обожгла сидящую напротив за столом Настю.

– Вы что себе позволяете? Вы на что намекаете? На то, что я знаю убийцу и покрываю его?

«Ага, вот именно на это я и намекаю», – подумала Настя, но вслух произнесла:

– Я намекаю вам на то, чтобы вы снова позвонили своему приятелю в наше министерство и попросили поставить дело на контроль в Главном управлении криминальной милиции. Там тоже есть очень опытные оперативники по особо важным делам, специализирующиеся на раскрытии убийств. Только если уж они начнут задавать вам те же вопросы, что и я, вам придется отвечать, потому что других сыщиков, классом получше и рангом повыше, уже не будет. Я понимаю ваше горе, Егор Витальевич, но не понимаю вашей агрессивности. Если у этой агрессивности есть причина, давайте ее обсудим. Если же нет, то попрошу вас все-таки отвечать на мои вопросы.

– Ладно, извините, – пробурчал Сафронов. – Сорвался. Спрашивайте.

– Я уже спросила. Что произошло в ваших отношениях с Еленой между мартом, когда вы впервые стали близки, и августом, когда вы зарегистрировали брак?

– До июня ничего не происходило. Где-то в последних числах июня Лена предупредила меня, что с начала декабря больше не сможет работать и чтобы я искал ей замену. Я очень огорчился, потому что она была действительно хорошим работником, в ее смены выручка в салоне всегда была выше...

– Почему?

– Она умела работать с клиентами. Постоянных знала по именам, записывала их телефоны. Если образовывалось окно, Лена всегда умела его заполнить, чтобы кабинеты не простаивали. Знала, кто близко живет, кому можно позвонить и предложить воспользоваться услугами салона. Она вообще всегда записывала контактные телефоны и с утра обзванивала всех записавшихся на прием, спрашивала, не изменились ли планы, придут ли. Если кто-то отказывался, говорил, что не придет, она тут же звонила другим клиентам и сообщала, что есть свободное время. Лена всегда помнила, кто чего хочет, кто просил поскорее, или хотел другое время, или интересовался возможностью попариться в сауне и все такое... Короче, в ее смену кабинеты не простаивали, поэтому и выручка была больше. Конечно, я ужасно расстроился, когда она предупредила, что с первого декабря будет увольняться. Спросил, почему, может, зарплата не устраивает? Я готов был предложить ей повышение зарплаты, только чтобы она не уходила.

– И что она вам ответила? Как объяснила причину увольнения?

– Лена сказала, что в декабре ей рожать.

Все правильно, судя по заключению судебного медика, у Елены Сафроновой в момент убийства, в середине октября, была беременность сроком тридцать недель. Значит, в конце декабря она должна была родить ребенка. А забеременела она как раз в марте.

– И как вы на это отреагировали? Вам пришло в голову, что Елена беременна от вас?

– Естественно. Я подсчитал сроки, задал ей вопрос и получил прямой ответ.

– И у вас не было сомнений? Может быть, отцом ребенка был кто-то другой?

– Я подумал об этом. И нанял частного детектива, чтобы он выяснил подробности личной жизни Лены. Оказалось, что с того момента, как она пришла работать ко мне в салон, у нее не было ни одного поклонника, не говоря уже о более серьезных отношениях. Ее никто не видел с мужчинами, и на работу ей ни разу мужчины по личным вопросам не звонили.

– Вы даже это выяснили? – удивилась Настя.

– Да это-то как раз было самым простым. У меня в «Нимфе» за стойкой администратора сидит еще и охранник, он все слышит и на ус мотает. Из бывших ваших. Одним словом, у меня не было никаких оснований подозревать, что ребенок не мой.

– И Елена потребовала, чтобы вы на ней женились, так?

– Ничего подобного. Она вообще ничего не требовала, а если бы я не спросил, почему она собирается увольняться, она бы и не сказала, что беременна. Просто, знаете, как-то все сошлось... Не знаю даже, как объяснить...

Вся агрессивность Сафронова куда-то улетучилась, сейчас перед Настей сидел не первый молодости мужчина, пытающийся сам для себя найти объяснение собственным поступкам. Настя с интересом наблюдала за ним, все еще не веря в его искренность и подозревая какую-то игру.

– Я был дважды женат, но не хотел детей, и из-за этого мои браки распадались. Дети казались мне обузой, тяжким бременем, отнимающим силы, время и нервы от...

Он запнулся и беспомощно посмотрел на нее, словно прося подсказать нужное слово.

– От чего?

– От работы.

– Вы хотите сказать: от зарабатывания денег? – жестко уточнила Настя.

– Вы хотите ударить побольнее. – В голосе Сафронова она услышала горький упрек и признала, что он справедлив. – Но в целом вы правы. Я хотел заниматься бизнесом, у меня получалось далеко не все, несколько раз я оказывался в полном провале, потом поднимался и начинал все снова. Мне было интересно только это. И вдруг, когда я узнал, что Лена ждет ребенка, во мне что-то переломилось... Я понял, что хочу этого ребенка. Хочу, чтобы у меня была семья. И Лена тоже этого ребенка хочет, иначе сделала бы аборт. Так почему бы нам не пожениться и не растить нашего общего ребенка вместе?

– Как Елена отнеслась к вашему предложению?

– Она долго колебалась, а я долго уговаривал ее. Все относительно, конечно. Я уговаривал ее почти месяц, но мне казалось, что это очень долго.

Действительно, с усмешкой подумала Настя, ее Чистяков уговаривал зарегистрировать брак больше десяти лет, и ей это вовсе не казалось долгим. А ему?

– Егор Витальевич, простите мне мой вопрос, но я вынуждена его задать. Вы ведь не любили Елену? Вы просто хотели завести семью и иметь ребенка?

– Господи, да я сам не знаю, чего я в тот момент хотел! – Теперь в его голосе слышалось настоящее отчаяние. – Но поверьте, я очень хорошо к ней относился. Она была умной, спокойной, ответственной. И очень красивой. Меня вполне устроило бы прожить рядом с ней многие годы.

– А ее это устроило бы?

– Вы хотите спросить, любила ли она меня? Думаю, что нет. Так же, как и я не любил ее. Если, конечно, под любовью понимать всякие там неземные страсти, невозможность жить друг без друга и готовность все бросить и следовать за любимым на край света. Я за ней на край света не последовал бы, и она за мной тоже. Одним словом, мы прекрасно могли жить друг без друга. Но если уж так случилось... если мы под влиянием минутного настроения пошли на близость и Лена забеременела, то, может быть, это судьба? Для меня немаловажным было то обстоятельство, что Лена явно не гонялась за моими деньгами, она ведь готова была скрыть от меня свою беременность. И я подумал: чем плохой вариант? Уж во всяком случае, это лучше, чем связаться с молоденькой длинноногой свистушкой, которой нужны только мои деньги и которая будет изменять мне на каждом углу.

Красивая история. Егор Витальевич пытается убедить всех, что о мотиве ревности можно забыть сразу. Если не любил, то и не ревновал бы с такой силой, что пошел на убийство. Здесь придется покопаться, вполне вероятно, что именно ревность он и пытается скрыть.

– А Елена? Какие у нее были мотивы принять ваше предложение вступить в брак? Если она вас не любила, то зачем ей создавать с вами семью?

– Но ведь ребенок... Лена была очень разумной, она понимала, что лучше растить ребенка в полной семье и в достатке, чем одной и неизвестно на какие доходы.

– У нее есть родственники? Родители? Сестры или братья?

– Есть, конечно. Но они не в Москве. Лена сама не москвичка, она родом из Новосибирска.

– А квартира, в которой произошло убийство? Это ведь ее квартира?

– Да, конечно. Я понимаю, что вы хотите спросить. Эту квартиру ей купил кто-то из ее бывших... Она, знаете ли, не любила распространяться о своем прошлом, но какие-то мужчины были, это естественно. Она ведь не девочка.

– Егор Витальевич, вы сами сказали, что Елена была умной, спокойной и очень красивой. Вас не смущало, что в течение длительного времени она была одна? Вроде бы у такой женщины должно быть много поклонников, какие-то отношения, чуть более серьезные, чуть менее... А у Елены, по крайней мере с ноября прошлого года, никого не было. Как вы думаете, почему?

Настя была убеждена, что если Сафронов действительно виновен в убийстве жены, то он сейчас попытается представить дело таким образом, будто у Елены все-таки кто-то был, кто и приревновал ее к мужу. Ну, посмотрим.

– Лена ничего не рассказывала... но у меня сложилось впечатление, что у нее какая-то душевная рана, связанная с ее последним мужчиной. Вероятно, она рассталась с ним год назад и сразу после этого пришла работать в мой салон. Я думаю, она очень переживала, поэтому и уделяла работе так много времени. Ей не хотелось идти домой и вообще не

хотелось думать об этих отношениях, вот она и забивала себе голову клиентами, выручкой, мастерами и прочим.

Так и есть. Мифический мужчина, с которым она рассталась, мучительно переживала разрыв, а потом этот мужчина возник на горизонте, узнал, что она вышла замуж и ждет ребенка, и не справился с ревностью. Красиво. Главное – трудно проверить. Наверняка ведь никакого такого мужчины на самом деле нет, но достоверно установить, что его нет, практически невозможно. Кто бы что ни говорил, всегда есть вероятность того, что только сама Елена точно знает ответ на этот вопрос. Даже самая близкая подруга иногда не знает всех тайн женщины. Кстати, о подругах...

– Егор Витальевич, когда в субботу вечером Елена не пришла вовремя домой, кому из ее подруг вы звонили?

Эти сведения были в материалах, но сейчас подруги погибшей интересовали Настю в несколько ином аспекте.

– У Лены не было подруг в полном смысле этого слова. У нее были знакомые. Приятельницы. Я звонил Нине Клевцовой, это второй администратор в моем салоне.

– А еще кому?

– Наташе Разгон. И еще Уразовым звонил. Алик Уразов – мой партнер, мы вместе владеем кафе, а Нора, его жена, дружила с Леной.

– Дружила? – уточнила на всякий случай Настя.

– Именно дружила, – сердито повторил Егор. – Нора с Леной дружила, а Лена с Норой – нет. Знаете, как это бывает?

Настя молча кивнула. Еще бы ей не знать! Маша любит Ваню, а вот Ваня Машу совсем не любит, хотя и встречается с ней. А бедная Маша об этом даже не догадывается и считает, что Ванечка относится к ней так же нежно и страстно, как и она к нему. В любви такое встречается сплошь и рядом. А в дружбе? Да точно так же. Чем любовь отличается от дружбы? А ничем. Те же самые глубоко личные отношения двух людей. И один из них видит эти отношения так, а другой – вовсе даже эдак. И одному эти отношения в радость, а другому – в тягость. Обычное дело.

– Значит, вы звонили Клевцовой, Разгон и Уразовой. Больше некому было позвонить?

Сафронов некоторое время смотрел на Настю молча и как будто оценивающе, потом негромко произнес:

– Знаете, у меня иногда возникало ощущение, что Лена, выйдя за меня замуж, словно начала жизнь с чистого листа. Никаких старых связей, давних знакомых, никаких воспоминаний и рассказов о прошлом. Я ее в шутку называл Инопланетянкой. Вот будто бы в ноябре прошлого года она прилетела на Землю на летающей тарелке и никогда прежде здесь не жила. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Чего ж тут непонятного. Господин Сафронов хочет сказать, что в прошлом его покойной жены полным-полно тайн, которые она от него тщательно скрывала. Тайны эти ему неизвестны, но милиции стоит в них покопаться, ибо убийство наверняка связано именно с ними. Хорошая мысль! Богатая. Вполне последовательным будет со стороны Егора Витальевича намекнуть на то, что его супруга могла оказаться иностранной шпионкой, внедренной в российский бизнес, отсюда и нежелание говорить о прошлом. Ну же, Егор Витальевич, давайте, мы готовы и это проглотить.

– Как Елена оказалась в вашем салоне? Ее вам кто-то рекомендовал? Или она просто пришла, как говорится, «с улицы» и попросила взять ее на работу?

– Ее привела Нина Клевцова. Я уже говорил, это наш второй администратор.

– А Нина откуда ее знала? Как давно они были знакомы?

– Какое-то случайное знакомство. Помнится, когда я пытался выяснить, не встречалась ли Лена с другим мужчиной, я первым делом поговорил с Ниной, думал, она мне расскажет

что-нибудь о личной жизни Лены. Но оказалось, что они познакомились чуть ли не за неделю до того, как Нина привела ее в салон ко мне на собеседование.

– А Наташа Разгон? Она давно знает вашу жену?

– Давно. Но Лена редко с ней общалась.

– Почему, не знаете?

– Я вам уже сказал: у нее не было подруг. Они были ей не нужны.

– Егор Витальевич, вы сами-то в это верите?

– Верю, – твердо ответил Сафронов.

«Не верит», – подумала Настя. Но вообще-то ситуация странная. Если у Елены Сафроновой были подруги, но ее муж это скрывает от милиции, то здесь есть о чем подумать. Если подруги были, но муж о них не знает, тоже есть о чем поговорить. А вот если их действительно не было, то тут уж впору плотно заниматься прошлым Елены Михайловны Сафроновой, в девичестве Щеткиной. Ибо человек, о прошлом которого никто не может ничего рассказать, вызывает некоторые, мягко говоря, подозрения.

Она сделала очередную пометку в блокноте и перешла к следующему блоку заранее намеченных вопросов.

– Вернемся к квартире, где была убита ваша жена. Почему вам пришло в голову искать Елену именно там?

– Это было последним, о чем я подумал. Уже после приятельниц, после больниц, моргов и милиции. Лена все никак не могла окончательно переехать ко мне. Понимаете, когда мы решили жить вместе, было лето, она собрала свои летние вещи и всякие там мелочи, и я перевез ее к себе. Потом, когда похолодало, она несколько раз привозила со старой квартиры то куртку, то плащ, то осеннюю обувь. Я постоянно предлагал ей: давай потратим один день, поедем к тебе, соберем все вещи, упакуем и перевезем. А Лена все откладывала, мол, не к спеху, успеется... Когда я ее нигде не нашел, я подумал, что она могла поехать на квартиру за чем-нибудь, а там что-то случилось. Упала, сломала ногу, или плохо стало, с ребенком что-нибудь, а она лежит и доползти до телефона не может. Я схватил ключи и помчался туда.

– Сколько комплектов ключей от квартиры вашей жены?

– Два. Один здесь, другой Лена постоянно носила с собой на тот случай, если понадобится что-то взять. Ну и для других целей тоже.

– Для каких? – насторожилась Настя.

– Будто сами не понимаете, – Сафронов неодобрительно фыркнул. – Нина Клевцова вела активную личную жизнь. Лена систематически давала ей ключи от той квартиры.

– Третьего комплекта точно нет? Обычно к любому замку прилагается не меньше трех ключей.

Если Настины подозрения не беспочвенны, сейчас прозвучит песня о том, что третий комплект, наверное, был, только Егор Витальевич никогда его не видел. Тем самым будет подкрепляться версия о таинственном мужчине из таинственного прошлого Елены. О мужчине, разрыв с которым Елена так болезненно переживала и у которого остались эти самые ключи. Дело в том, что Елену Сафронову преступник не только задушил, но и покинул квартиру, аккуратно закрыв дверь на замок. Не захлопнув, а именно закрыв: дверь в квартире Елены имела незахлопывающийся замок сувальдного типа, его ригель полностью утапливался в гнездо, и, чтобы закрыть дверь, необходимо было воспользоваться ключом. Без ключа дверь оставалась притворенной, но не запертой, и от малейшего сквозняка распаивалась настежь. Егор же Витальевич, вызвавший на место происшествия милицию, уверял, что открывал дверь при помощи ключа. Значит, ее при помощи ключа и закрывали. Или он лжет?

– Был третий комплект, – кивнул Сафронов. – Но он куда-то делся. Ваши коллеги уже спрашивали меня, я тогда уверенно сказал, что комплектов три, один у Лены и два здесь, а когда они попросили показать ключи, я смог найти только одну связку.

– Обе связки лежали в одном месте?

– Да, в ящике, в стенке.

– Интересно, – протянула Настя. – А когда вы брали ключи в воскресенье рано утром, чтобы проверить, нет ли вашей жены на старой квартире, сколько комплектов было в ящике?

– Я не обратил внимания. Очень волновался, нервничал. Схватил ключи и помчался.

– Припомните, когда в последний раз вы видели обе связки?

– Не могу сказать. В том ящике лежат все запасные ключи: от этой квартиры, от Лениной, от гаража, от квартиры моих родителей. За последние месяцы у меня не было нужды доставать какие-нибудь запасные ключи, и я в ящик не заглядывал.

У нее было еще много вопросов, но почему-то Настя почувствовала, что именно сейчас нужно остановиться. Сделать вид, что заинтересовалась тайнами, сокрытыми в прошлом Елены, и уйти. Она не понимала, откуда взялась эта уверенность, но знала, что так будет правильно.

Выйдя на улицу, Настя посмотрела на часы. Если рейс, которым должен был прилететь Саша с семейством, прибыл вовремя, то сейчас на кухне в квартире Каменских уже жарится мясо, режутся салаты и витают умопомрачительные запахи. В конце концов, как-то глупо возвращаться на работу в девятом часу вечера.

* * *

Владимир Иванович Славчиков давно уже поймал себя на том, что перестал радоваться возвращению домой. Чувство это, сперва слабенькое, едва ощутимое, было поначалу принято им за обыкновенную хандру, которая время от времени посещает любого человека. Просто есть какое-то ощущение, что все неладно, все не в радость... Что ж, бывает, можно и внимания не обращать. Но спустя некоторое время он заметил, что противоположное ощущение появляется только на пути с работы домой. И никогда – по дороге из дома на службу. Тут было над чем призадуматься.

Профессор Славчиков «прожил» в науке без малого тридцать лет и привык все раскладывать по полочкам, анализировать, классифицировать и логически обосновывать. Это было не потребностью, а привычным стилем мышления. Обдумывание странного графика, по которому просыпалось и засыпало неприятное чувство, довольно быстро привело его к выводу о том, что в семейной его жизни далеко не все в таком уж большом порядке. И дело, оказывается, в Катерине. Вернее, не в ней самой, а в отношении к ней Владимира Ивановича.

Десять лет назад он женился на женщине, которая потеряла все, кроме ребенка от первого брака. Семья, работа, деловая репутация – все было утрачено, потеряно безвозвратно. Владимир Иванович хорошо помнил, как потрясло его то мужество, с которым несчастная Катерина приняла все удары судьбы, то достоинство, с которым она держалась, та сила духа, которая не позволяла ей во всем винить других и проклинать их. Она даже о муже своем, бросившем ее в первую же трудную минуту, не сказала ни единого худого слова, напротив, отзывалась о нем с благодарностью за то, что не бросил их дочь совсем уж на произвол судьбы, какую-никакую помощь оказывал. Восхищение душевными качествами Екатерины Сергеевны было столь сильным, что профессор по ошибке принял их за несколько иное чувство, что и подвигло его сделать ей брачное предложение. Они жили хорошо, дружно, отлично понимали друг друга и никогда не ссорились, в браке родились двое мальчиков... Катерина открыла в себе способность сочинять детективные романы, и это стало приносить деньги, не сумасшедшие, конечно, но более чем приличные для обеспечения благополучия и

достатка в доме. И вдруг Владимир Иванович отчетливо осознал, что не любит свою жену. И вовсе не потому осознал, что встретил другую женщину и получил возможность сравнивать чувства, испытываемые к обеим. Нет, не потому. Просто он перестал радоваться возвращению домой.

Вот и сегодня он поднимался в лифте на седьмой этаж, будучи не в самом лучшем расположении духа. Но, помимо уже ставшего привычным неприятного чувства, душа его маялась еще по одной причине. Владимир Иванович повел себя в служебной ситуации, как ему казалось, некорректно и теперь казнил себя, то ища оправдания своему поведению, то обвиняя себя во всех смертных грехах. В течение нескольких дней он так и не решил, рассказывать ли об этом жене или промолчать. В принципе, его служебные дела никак ее не касались, но с другой стороны...

«Надо сказать», – как-то отстраненно подумалось ему в тот момент, когда рука автоматически достала из портфеля ключи от дома.

Квартира встретила Владимира Ивановича почти непереносимым шумом. Из Юлиной комнаты доносился оглушительный рок, Антошка в гостиной смотрел по телевизору мультики, самый младший – Вовчик-второй – носился по всему свободному пространству, весьма достоверно изображая самолет-истребитель и сопутствующие его полету звуки. Няня Евгения Семеновна суетилась между мальчиком сидящим, мальчиком летающим и включенным на кухне телевизором, по которому шла очередная серия чего-то латиноамериканского. Появления Владимира Ивановича в первый момент никто и не заметил, пока юный летчик-истребитель не наткнулся в бреющем полете на ноги отца.

– Папа! Я сбил фесь амеликанских лакет!

– Почему именно шесть? И почему американских? – удивился Владимир Иванович, подхватывая сына на руки и целуя в покрытые румянцем нежные щечки. – Разве у нас война с Соединенными Штатами? Что-то я об этом ничего не слышал.

– Не, у нас нет войны. Это они в Илаке воюют! А я их сбиваю!

– Очень хорошо, – строго произнес профессор. – А ты-то тут при чем? Разве ты житель Ирака?

– Нет, – честно ответил подрастающий воин-интернационалист, – я житель Долголуковской улицы, дом тли, квалтила солок пять.

– Вот видишь, – отец бережно поставил мальчика на пол, – значит, ты вмешиваешься в чужие конфликты, а это нехорошо.

– Почему нехолофо? Я фе помогаю. А лазве помогать нехолофо?

Вопрос показался профессору излишне философским для обсуждения с маленьким ребенком, и от дискуссии он уклонился. Поздоровался с няней, потрепал по затылку Антошку, который так и не оторвался от экрана с мельгешащими на нем и орущими дурными голосами чудищами, и прошел в самую дальнюю комнату, совмещавшую функции одновременно спальни и кабинета. Тесновато у них, что и говорить, Юльке нужна отдельная комната, она уже большая, поэтому мальчики спят в гостиной, а уроки Антоша делает где придется, то на кухне, то в спальне у родителей, благо рабочий столик, хоть и небольшой и почти целиком занятый компьютером, там имеется. Ничего, осталось подождать совсем недолго, во всяком случае, Катерина уверяет, что еще пара книжек в рамках проекта – и денег хватит на новую квартиру, более просторную и удобную. А ведь когда-то эта трехкомнатная квартира, где Владимир Иванович проживал со своей первой женой и сыном Васей, казалась ему огромной, и всем места хватало, и никто друг другу не мешал.

Катерина сидела в спальне-кабинете за столом, склонившись над какими-то бумагами. Если она работала, то обычно на компьютере, но экран не светился, а жена, судя по тому, что успел увидеть Владимир Иванович, чертила какие-то схемы. Зрение у профессора Славчикова было, несмотря на возраст, отменным, и он успел увидеть надписи на схеме:

Нач. УВД

Упр. Минюста

ОВИР – паспорт?

Именно успел увидеть, а не рассмотрел, потому что вошел тихо, и за заполнившим квартиру шумом жена не сразу заметила его появление, а как только заметила, сразу скомкала листок и сердито бросила на пол.

– Работашь? – улыбнулся Владимир Иванович. – Новое преступление придумывашь? – Да, – ответила Катерина рассеянно и улыбнулась.

Улыбка показала Владимиру Ивановичу почему-то виноватой. Или смущенной? Или даже растерянной?

– Может, тебе помочь? – предложил он. – У тебя опыт, конечно, на собственной шкуре пережитый, но зато у меня он обширнее. Все-таки я много лет изучаю преступления.

– Спасибо, Володюшка, я уже все придумала, – Катерина говорила весело, но в голосе ее мужу почудилось непонятное напряжение. – Пойдем ужинать.

Пока он переодевался, снимал костюм и натягивал домашние брюки и куртку от спортивного костюма, жена торопливо собрала бумаги в пластиковую папку, и это тоже показалось ему не то чтобы странным, но... неоправданным, что ли. Зачем, если после ужина она снова сядет за работу? Пусть бы лежали, никто их здесь не тронет, не перепутает и уж тем более не потеряет. Катерина между тем засунула папку в сумку. И это тоже показалось Владимиру Ивановичу необычным. Завтра пятница, а не суббота, завтра не нужно идти к Богданову. Что же, она собирается завтра весь день таскать бумаги с собой? Для чего, бог мой? Это же не документы особой важности, которые всегда должны быть под рукой и которые нельзя оставить без пригляда ни на минуту, это всего лишь наброски, черновые записи о сюжетных ходах, небольшие отрывки чистового текста.

Впрочем, кто ее знает, внезапно подумал Славчиков, может быть, она и в самом деле носит свои записи постоянно с собой, а он просто этого не замечал. Он вообще многого не замечал в своей супруге и лишь недавно понял, что не замечал потому, что особо не присматривался, а не присматривался оттого, что не очень-то интересовался ее работой и ее жизнью за пределами квартиры и семьи. Проще говоря – не любил он ее. Уважал, ценил, беспокоился о ней, но не любил.

Телевизор в гостиной по-прежнему надрывался, озвучивая Антошкины мультики, Вовчик-второй, подбив все «фантомы» на американско-иракском фронте, расстреливал из водяной пушки найденные на территории жилища подозрительные пакеты, которые могли оказаться бомбами. Насмотрелся по телевизору...

– Юля, иди ужинать! – крикнула Катерина.

– Не хочу, мам, – отозвался из-за закрытой двери голос девушки.

– Ну как хочешь, – пробормотала она себе под нос и плотнее прикрыла дверь, отделяющую кухню от остального орущего пространства.

Выключив кухонный телевизор, Катерина поставила на плиту кастрюлю с супом и сковородку.

– Евгения Семеновна, готовьте пацанов к кормежке.

Няня взяла посуду и матерчатые салфетки и понесла в комнату. Кухня такая тесная, что все не могут поместиться в ней одновременно, поэтому мальчиков кормят в гостиной. Владимир Иванович смотрел на жену и думал о том, что вечер для Катерины, наверное, самое трудное время суток. Пять человек, а с няней – шесть, и всех надо накормить, и за всеми проследить, и с каждым поговорить, и при этом не сойти с ума от шума, суеты, беготни, капризов и отчаянного рева. По части рева все дети – чемпионы, что старшая Юленька, что Вовчик-второй, да и Антошка им не уступает. У всех глотки луженые, запасы слез – неистощимые, а главное – непоколебимая уверенность в том, что рыданиями можно добиться чего угодно.

И хотя жизнь показывала, что это далеко не так, что Катерина дает слабину крайне редко и чаще всего за ревом никаких благоприятных последствий не следует, дети упорно продолжали надирать свои нежные организмы в попытках добиться желаемого именно этим, старым как мир, способом.

Катерина сильно располнела, особенно после рождения Вовчика-второго, и теперь мало похожа была и на ту живую, искрящуюся юмором хорошенькую женщину, с которой профессора Славчикова познакомили на банкете лет пятнадцать назад, и на ту исхудавшую посеревшую несчастную бабу, какой увидел ее Владимир Иванович в самые трудные для нее дни. Рано поседевшие волосы она окрашивала в цвет красного дерева и коротко стригла. Прическа ее мужу не очень нравилась, но он не считал для себя возможным высказываться по этому поводу. «А кстати, почему?» – тут же мысленно задал он себе вопрос и с грустью констатировал, что ответ нашелся быстро и легко, ибо логически вытекал из всего, что он передумал и перечувствовал в последние месяцы: «Потому что мне все равно, как она выглядит. Потому что я ее не люблю. Хотя она замечательная женщина, прекрасный друг, превосходная жена и мать, и остаток своей жизни я хотел бы провести рядом с ней. Но все равно я ее не люблю так, как любил когда-то и первую свою жену, и некоторых других женщин. Вот и весь ответ».

– Катюша, – начал Владимир Иванович, когда жена поставила перед ним тарелку с супом, – как ты думаешь, я еще молодой или очень молодой?

– Ты – ребенок, – с улыбкой ответила Катерина. – Сущее дитя. Что ты опять натворил?

– Я повел себя как дурак. Как сопливый пацан.

– Не верю. Ты умный, – рассмеялась она. – Ну-ка рассказывай.

– Да рассказывать-то особенно нечего. Я тут на днях с твоим бывшим мужем виделся. Мы в одной комиссии кандидатский экзамен принимали.

– И ты дал ему в глаз? – поинтересовалась Катерина, кладя в тарелку сметану. – Или в ухо?

– Хуже, – признался Славчиков. – Если бы я дал ему в ухо, пострадал бы только Вадим. А так невинный пострадал. Точнее – невинная.

– А можно в деталях, а не намеками? Сметану размешай.

Владимир Иванович тщательно размешал сметану в супе, попробовал, добавил соли. Суп показался ему слишком горячим, и он решил, что вполне успеет поделиться с женой тем, что его мучает, пока блюдо немного остынет.

– В общем, сдает экзамен одна дамочка из розыска, с Петровки. Толковая такая, и опыт работы огромный, и головка светлая. Но отвечает не по правилам, не так, как мы всю жизнь пишем в учебниках и монографиях. У нее, понимаешь ли, собственное видение проблемы. И вот слушаю я ее и понимаю, что она права. На самом деле права. И Вадим твой это понимает. Когда оценки обсуждали, он настаивал на том, чтобы поставить ей «отлично», говорил, что она гениальная и ее идеи произведут переворот в криминологии. А мне будто шлея под хвост попала. Ну не могу заставить себя согласиться с ним, признать, что он прав. Понимаешь, Катюша? Он для меня на всю оставшуюся жизнь не прав, раз и навсегда. Я считаю его дураком и подонком, и для меня признать, что он хоть в чем-то прав, просто невыносимо. И я начал с ним спорить, доказывать, что дамочка несла полный бред, и что с такими знаниями и представлениями ее нельзя близко к науке подпускать, и все такое. Говорю – и самому противно. Но сделать ничего с собой не могу. И ведь аргументы какие-то нашел, будь я неладен, сумел убедить председателя комиссии, что выше тройки нельзя этой дамочке ставить оценку, а вообще-то я на двойке настаивал. Мерзавец я, да?

– Нет, – вздохнула жена, – ты просто ребенок. Сопливый пацан. И что вы в результате ей поставили?

– «Удовлетворительно», моими молитвами. Слава богу, оценки в ведомость сразу не проставили, а когда объявляли, та дамочка собралась с мыслями, как-то так остроумно что-то сказала, а председатель расхохотался и поставил «хорошо». Но у меня на душе эта история камнем лежит. Получается, два мужика женщину не поделили, а страдает третья сторона. Этой тетке надо было, конечно, «отлично» ставить. А я уперся как осел, меня от одного вида твоего Вадима трясти начинает.

– Володюшка, – мягко сказала она, – Вадим давно уже не мой. И ты меня от него не уводил. Ты меня подобрал, когда я валялась на дороге, брошенная и никому, кроме Юльки, не нужная. Тебе давно следовало бы перестать ненавидеть его.

– Не могу! – Владимир Иванович повысил голос. – Сам знаю, что глупо, недостойно, но не могу. Он ведь не дворник и не слесарь, не безграмотный обыватель, для которого любой сидящий за решеткой – закоренелый преступник, Вадим – такой же профессор, как и я, доктор наук, он криминолог, всю жизнь изучавший экономические преступления и людей, которые эти преступления совершают. Уж он-то лучше кого бы то ни было должен знать, как часто к ответственности привлекаются не настоящие расхитители и мошенники, а стрелочники. Он должен, обязан был понимать, что ты и оказалась таким стрелочником, которого заставили подписать документы под угрозой увольнения, а потом сдали. И он не имел права от тебя отказываться.

– Это было давно, до девяносто первого года, а Вадим, если ты не забыл, был секретарем парторганизации кафедры, – напомнила Катерина. – У него не было выхода. Либо отказаться от меня и немедленно развестись, либо положить на стол партбилет и потерять должность. Подполковник милиции и парторг кафедры не мог в те времена иметь жену с судимостью. Я его понимала и не осуждала, и ты не должен его ненавидеть.

– А я все равно ненавижу, – упрямо возразил он. – И ничего не могу с собой поделать. Он подонок и трус.

– Хорошо, – миролюбиво согласилась жена, убирая свою тарелку. – Ешь суп, пожалуйста, он совсем остыл. Пусть Вадим подонок и трус. Но при чем тут эта женщина с Петровки? Ей-то за что досталось?

– Так в том-то все и дело, что ей досталось за мою ненависть к твоему бывшему. Вот это меня и гнетет. Я сам себя не могу уважать из-за этого.

– Ешь, пожалуйста.

Он быстро съел суп и понял, что сыт и никакой еды больше не хочет. Однако Катерина уже накладывала жаркое. Владимир Иванович открыл было рот, чтобы отказаться от второго блюда, но остановил себя. Катя обидится, она стояла у плиты, готовила, старалась... Как только он понял, что не любит ее и никогда не любил по-настоящему, сразу стал испытывать чувство вины перед женой и опасаться, не приведи господь, это свое отсутствие любви хоть в чем-нибудь проявить.

Владимир Иванович с трудом впихивал в себя картошку с мясом, стараясь не глядеть на жену. Катерина никак не комментировала его рассказ, и было непонятно, осуждает она его или нет и что вообще думает по этому поводу.

– Катя, а может так случиться, что ты меня разлюбишь?

Катерина стояла у плиты и разливала в смешные фигурные чашечки кисель, сваренный для мальчиков. Антошкина чашка – желтая с красным, в форме толстого мышонка с куском сыра в коготках, Вовкина – синяя с белым, изображающая из себя снеговика с ведром на голове и морковкой вместо носа.

– Конечно, – ответила она, не оборачиваясь. – Только не за то, что ты ненавидишь Вадима. За что-нибудь другое.

– Например, за что? За глупость? За упрямство? – допытывался он.

– За жлобство, Владимир Иванович.

– Катя, я серьезно.

Вошла Евгения Семеновна, забрала чашки с киселем и вазочку с печеньем.

– А если серьезно, – Катерина снова присела за стол напротив мужа, – то не имеет ровно никакого значения, люблю я тебя или нет, и если люблю, то не разлюблю ли, и если разлюблю, то за что именно. Понимаешь, Вовчик-первый? Ни-ка-ко-го, – повторила она по слогам.

– Не понимаю. Это что-то новенькое, – озадаченно произнес Славчиков.

– Это действительно новенькое, – кивнула она. – Твой сын придумал. Новая теория.

– Васька?!

– Он самый.

– И что же он такого придумал, господи ты боже мой? Что за теория?

– Теория о том, что не имеет никакого значения, какую жизнь мы проживаем и как, потому что жизнь – это всего лишь один эпизод в длинной цепи разнообразных эпизодов. Если один эпизод не получился, ничего страшного, следующий будет другим, намного лучше. Правда, Василий называет жизнь не эпизодом, а приключением.

– То есть он считает, что у человека много жизней? – уточнил Владимир Иванович, не веря своим ушам. – Он что, свихнулся? Может, он пьяный был, когда говорил это?

– Нет, Володюшка, если следовать теории твоего сына, то у человека жизнь одна, но человек – это единство плоти и души. Плоть тленна, а душа бессмертна. Когда плоть умирает, то умирает данный конкретный человек как единство тела и души, но душа-то продолжает жить. Она находит себе другую плоть и пускается в новые приключения. А любое самоубийство – всего лишь воплощение решения души о том, что в ипостаси данного человека, живущего данной жизнью, ей пребывать больше не хочется, ей надоело, скучно, она устала. Она хочет побыстрее избавиться от плоти, улететь на небо и там высмотреть себе другую жизнь, которой она хотела бы попробовать пожить.

– Она – это кто? – глупо спросил профессор, который уже плохо понимал, о чем толкует его жена-писательница.

– Она – это душа, Володенька, – пряча улыбку, пояснила Катерина. – Вот такую идеологическую конструкцию изобрел наш Васенька. И, кстати, просил меня довести ее до твоего сведения.

– Зачем?

– Он считает, что ты лучше поймешь его, нежели я. Он полагает, что эта конструкция слишком теоретична, чтобы ее могла по достоинству оценить такая приземленная особа, как твоя жена. Ну что, оценил?

– Да бред какой-то! – Владимир Иванович в сердцах махнул рукой и чуть не сбросил на пол плетеную корзинку с нарезанным хлебом. – Где он набрался такой чуши?

Катерина пожала плечами.

– Не знаю. Говорит, у кого-то вычитал, взял за основу и добавил кое-что от себя.

– Ну ладно, допустим. А почему он сам мне все это не изложил? Почему попросил тебя довести до моего сведения?

– Он надеется, что в моем изложении теория прозвучит более связно. Ты же сам знаешь, Вася умный мальчик, но очень плохо излагает и совсем не умеет объяснять.

– Но тебе же он изложил свой бред, и ничего, ты поняла, – недовольно проворчал Славчиков.

В нем внезапно проснулась ревность. Что же, Васька считает Катерину умнее родного отца? Васька счел возможным чем-то поделиться с ней, чем-то таким, о чем ему и в голову не пришло поговорить с отцом?

– Володюшка, я вырастила Юльку и теперь постоянно общаюсь с Антошей и Вовкой. Ясно?

– Нет. Не вижу связи, – сердито откликнулся он.

– У меня большой опыт общения с теми, кто плохо умеет объяснять, вот и все. Зато ты избалован общением с высоколобыми учеными и всякими там аспирантами, кандидатами и докторами, они все ясно мыслят и ясно излагают, а того, кто излагает плохо, вы сразу изгоняете из своих рядов и даже не пытаетесь понять, о чем это он там, собственно говоря, толкует. А я не могу отмахнуться от объяснений малыша, мне приходится обязательно его выслушать и постараться понять. Поэтому я тренированная. Вот Васька и предпочел меня в качестве первого рецензента. Он прекрасно понимает, что если я буду тебе пересказывать его бредни, то сделаю это более внятно и системно.

– Так ты согласна, что это бредни?

– Разумеется.

– Ну слава богу, – с облегчением выдохнул Владимир Иванович, – а то я уж испугался, что ты меня начнешь вербовать в новую веру. Дверь кухни с грохотом распахнулась, на пороге возник взъерошенный Антошка. Из-за его спины прорывался с боями Вовчик-второй, которого старший братец отпихивал и всеми силами старался не пропустить вперед.

– Мам, а можно я боевик посмотрю с Костнером?

– Мам, – пищал младший, – там «Спокойной ночи, малыфы», там сказка плодотворается, а он не дает смотлеть.

– Уйди, не лезь!

– Ну, мам!...

– Пошел отсюда!

Катерина подскочила к сыновьям и разняла их, пока не дошло до драки. Теперь Вовчик-второй прятался за ее ноги и оттуда глядел победителем.

– Антоша, ты можешь смотреть боевик, но только до девяти часов. В девять Вовчик ляжет спать.

– А я? – пискнул младший. – А ты посмотришь свою сказку здесь.

– Так уже без пятнадцати девять, – возмутился старший. – Сейчас как раз фильм начнется. И в девять выключать, да?

– Пожалуйста, можешь смотреть фильм на кухне, – согласилась Катерина. – Вовчик посмотрит передачу в комнате и сразу ляжет спать. А ты можешь сидеть здесь, только учти, что мы с папой тоже будем здесь, нам нужно поговорить, а потом я буду мыть посуду и убирать. И решай быстрее, у тебя три минуты.

Ей приходилось быть жесткой, иначе нельзя, когда квартира слишком мала для пятерых. Нельзя делать поблажки одному и ущемлять другого, и приходится все время искать баланс между разными интересами, чтобы никто не обиделся и была соблюдена элементарная справедливость. Хотя только матери знают, как щемит сердце, когда приходится гоняться за этой самой справедливостью, слыша рев маленького ребенка и глядя в его обиженные глазки. «Катерина состоит из одних достоинств, – подумал Владимир Иванович, наблюдая за тем, как жена «разруливает» конфликт интересов. – Господи, ну почему же я не люблю ее?»

* * *

– А что, тебе очень даже идет. Смотри, как здорово!

Даша напялила Насте на голову шерстяную шапочку со смешными длинными заячьими ушами. Уши были расшиты цветочками и свешивались вниз, почти закрывая щеки. Определенно, у маленького Санечки со вкусом проблемы, но с чувством юмора, пожалуй, совсем неплохо.

– Если бы ты видела, как он эту шапочку выбирал! – продолжала щебетать Даша. – Сто магазинов обошел, пока выискал то, что ему хотелось. Вбил себе в голову, что непременно должен подарить тебе шапочку с ушами. Ну что ты сидишь, подойди к зеркалу, посмотри.

Настя нехотя поднялась с дивана и поплелась к зеркалу. Чудовищно. Старая усталая тетка с потухшим взглядом, опущенными уголками рта и подозрительно светлыми волосами – естественный платиновый цвет густо разбавлен сединой. И надо всем этим – яркая дурацкая шапка с заячьими ушами. Гротеск. Пародия. Черт знает что...

Она попыталась улыбнуться, но ничего не получилось, губы натужно скривились, и лицо стало еще старше и печальнее. Настя резким движением сорвала с головы подарок любимого племянника, который стоял здесь же, предвкушая эффект и приоткрыв в радостном ожидании рот.

– Здорово, да, тетя Настя? Тебе нравится?

– Очень, Санечка. Спасибо тебе большое. Просто замечательная шапочка, – ответила она, ненавидя себя за подступившие слезы.

– Ты будешь ее носить на работу?

– На работу, наверное, не получится, у нас там все очень строгие, начальники всякие, генералы. На работе надо форму носить.

– А когда же ты будешь ее одевать?

– Надевать, Санечка, не одевать, а надевать, – тут же поправила сына Даша. – Сколько раз я тебе говорила...

– Надевать, – послушно повторил мальчуган. – Тетя Настя, когда ты будешь носить мою шапочку? В гости?

– Хорошо, в гости, – согласилась она.

– Тогда надевай ее обратно, – потребовал племянник. – Ты же в гостях, вот и надевай. Ты обещала.

Даша укоризненно покачала головой, обняла ребенка, поцеловала в макушку.

– Санечка, здесь очень тепло. Если Настя наденет твою шапочку, а потом снимет и выйдет на улицу, она обязательно простудится. Ты же не хочешь, чтобы Настя заболела?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Да ну вас.

Он махнул рукой и понуро вышел из комнаты.

– Обиделся, – огорченно заметила Настя. – Ты прости меня, Дашуня, я вам всем праздник испортила. И Саня так ждал восторгов с моей стороны, а я не смогла...

По ее щекам потекли слезы, которые она все-таки не сумела сдержать. Ей было жаль племянника, которого она же сама лишила радости, ей было жаль солнечную и счастливую Дашу, которая тоже расстроилась, видя обиженного и такого несчастного сына. И ей было ужасно жаль себя.

Даша прижалась к ее плечу, тихонько поцеловала в щеку.

– Это все из-за того дурацкого экзамена? Я вообще не понимаю, зачем тебе понадобилось его сдавать? Глупость какая-то!

– Это не глупость, Дашуня, а необходимость. Если я хочу написать и защитить диссертацию, я обязана сдать экзамены. Таков порядок.

– Я знаю, что порядок, – продолжала сердиться молодая женщина. – Я не понимаю, на кой тебе сдалась эта диссертация. Тебе Лешкины профессорские лавры спать не дают, что ли? Работаешь ты на своей Петровке столько лет – вот и работай, тебя там ценят, уважают. Чего тебе неймется? Ищешь на свою голову приключения, а потом расстраиваешься.

Настя вздохнула. Конечно, Дашка не понимает. Все вокруг понимают, зачем Насте Каменской нужна кандидатская диссертация, а тридцатилетняя жена ее брата – не понимает. Потому что она не носит погоны. И потому, что ей всего тридцать.

– Дашенька, я – подполковник, а подполковники могут служить только до сорока пяти лет. В сорок пять их отправляют на пенсию. А мне уже сорок три.

– Что, прямо всех-всех отправляют? – не поверила Даша. – И в нашей милиции нет ни одного подполковника старше сорока пяти лет? Не поверю ни за что!

– И правильно, что не поверишь, – усмехнулась Настя. – Можно подать рапорт с просьбой продлить срок службы, и если решение будет положительным, проработаешь еще пять лет.

– А потом?

– А потом еще один рапорт. И еще можешь поработать.

– А потом?

– Потом – все. Два продления, больше нельзя.

– Тогда в чем проблема? Напишешь эти свои рапорты и будешь работать до пятидесяти пяти лет. А за это время и полковником станешь. Не понимаю, зачем эти хлопоты с диссертацией?

– Дашка, Дашка, – Настя сама не ожидала, что рассмеется, – ты неисправимая идеалистка. Рапорт-то я напишу, да только нужно, чтобы мои начальники очень сильно захотели оставить меня на службе. А в этом у меня большие сомнения. Начальники у меня сложные, не все относятся ко мне хорошо, а некоторые – так даже откровенно плохо.

«Особенно мой непосредственный начальник Вячеслав Михайлович Афанасьев, – мысленно продолжила Настя. – Раздражаю я его просто до невозможности. Внешне мы с ним отлично ладим, но я точно знаю, что он меня на дух не выносит. Просто спит и видит, когда же я наконец уйду. Желательно на пенсию, чтобы не было разговоров, что от него ушел такой опытный сотрудник, как я. Когда от начальника уходит хороший работник, это всегда пятно на репутации самого начальника. Кто ж ценными кадрами разбрасывается? Если человек уходит на повышение или на более высокую зарплату – это нормально, это все понимают. Но на повышение меня не двинут: женщина. Более высокая зарплата означает уход в частный сектор, я на это не пойду. В частном секторе навыки раскрытия убийств никому не нужны, там нужно совсем другое: гражданское право, договоры, финансы, обеспечение безопасности, а менять квалификацию я не хочу. Значит, переместиться я могу только на равноценную должность в другом подразделении. И как это будет выглядеть со стороны? Оперативник, девятнадцать лет занимавшийся раскрытием убийств и съевший на этом деле не одну свору собак, вдруг ни с того ни с сего уходит старшим опером в отдел по борьбе с кражами... Ха-ха-ха. Шито белыми нитками, дураков нет, и первый спрос – с начальника. Раз от тебя ушли, значит, не создал условий, не уберег, не пресек развитие конфликтной ситуации. А фоне этого не хочется, он бы предпочел, чтобы все шло тихо-мирно, в соответствии с Положением о прохождении службы. Каменская состарилась и ушла на пенсию. Естественный процесс».

– И на моем рапорте начальник положительную резолюцию не поставит, – продолжала она вслух свои объяснения. – А поскольку уходить на пенсию и сидеть дома мне пока не хочется, я должна постараться за два года написать диссертацию или хотя бы «болванку», чтобы доказать свое умение заниматься научной работой. Тогда у меня будет шанс.

– Какой?

– Перейти на преподавательскую работу. Причем на такую должность, на которой я смогу получить звание полковника. Тогда можно будет служить до пятидесяти лет. А если преподавание будет хорошо получаться, то там и два продления подпишут. Поняла теперь?

– Как у вас все сложно, оказывается, – протянула Даша. – А почему ты думаешь, что твои начальники не захотят, чтобы ты еще поработала?

Почему-почему... Причин много. Вот, к примеру, одна из последних: эта история с новым сотрудником, которого Афоня взял в отдел в конце прошлого года. Насте парень сразу не понравился, она сыщицким чутьем уловила в нем множество сомнительных черт и, на

свой страх и риск, навела справки. Оказалось, парень попал в органы напрямую из криминальной среды и имел высокую квалификацию наперсточника. Однако все попытки ее довести эту информацию до сведения начальника блокировались в зародыше, полковник Афанасьев свои кадровые решения с подчиненными не обсуждал. Ну и каков результат? В июне разразился скандал с «оборотнями в погонах», бывший наперсточник был задержан вместе с «группой товарищей», его раскрепасная биография стала достоянием общественности, и Афоня от службы собственной безопасности узнал наконец то, что ему так безуспешно пыталась втолковать Настя Каменская. Кадровику, который оформлял нового сотрудника и проводил проверку, долго мылили шею и требовали признаться, сколько денег ему заплатили, чтобы результаты проверки оказались положительными, а Афоню таскали по начальственным кабинетам и говорили много неприятных слов. Если бы он вовремя прислушался к предупреждениям подполковника Каменской... Где вы видели начальника, который простит такое своему подчиненному?

Но не рассказывать же все это Дашеньке...

– Долгая история, – уклонилась от прямого ответа Настя. – Просто я знаю – и все. Прими как факт, без всяких объяснений. И хватит об этом. Пошли к мужчинам, а то они там без контроля бог знает чем занимаются.

Мужчины – Леша Чистяков и Саша Каменский – занимались, однако, делом вполне мужским: рассматривали и обсуждали горнолыжное оборудование, при помощи которого состоятельный банкир Александр Павлович Каменский наслаждался альпийским воздухом, снегом и крутыми склонами. Маленький Саня крутился здесь же, постоянно встречаая в мужской разговор своим звонким голоском и пытаясь рассказать дяде Леше о собственных успехах в горнолыжном спорте и, главным образом, в преодолении страха перед подъемниками. Настя невольно залюбовалась братом и его женой – такие они молодые, полные энергии, свежие, цветущие, лица покрыты ровным коричневатым загаром, глаза блестят. Не то что она, постаревшая и усталая. Конечно, они год провели в Альпах, после этого немудрено хорошо выглядеть, но ей кажется, что она уже никогда не сможет быть такой же, как они, даже если проживет в тех самых Альпах всю оставшуюся жизнь.

– Ты что, Настюша? – брат перехватил ее взгляд и встревожился. – Что-то не так?

– Все в порядке, – преувеличенно бодро ответила она. – А чай в этом доме наливают или только кормят горячим и раздают подарки?

– Конечно, – тут же захлопотала Даша, – я сейчас, через пять минут будет чай, мы привезли потрясающие конфеты, мы их...

Остаток истории про конфеты растворился где-то в глубине квартиры, в районе кухни, куда мгновенно улетучилась быстроногая Дашенька.

Выпив чаю, Настя с Лешей стали собираться домой – уже поздно, а завтра обоим нужно на работу.

– Настя, – Саша ухватил ее за руку и легонько потянул в сторонку, – на пару слов отойдем. Слушай, я хочу, чтобы у тебя была машина.

– Хоти, – равнодушно ответила она. – Это беспредметный разговор, Саня. Я никогда на это не пойду.

– Ты не пойдешь на то, чтобы принять подарок от брата? Это что, неприлично? Или, может, преступно? Ну объясни мне свое глупое упрямство, найди аргументы.

– Санечка, – она обняла брата, поцеловала в кончик носа, – я с удовольствием приму подарок от брата. Но я никогда не пойду на то, чтобы обидеть и унижить своего мужа. Если мы с Лешкой не можем заработать на машину для меня, то у меня ее не будет. И я не буду ее хотеть. Кстати, я ее действительно не хочу. Не люблю сидеть за рулем.

– Так, может, подарить тебе машину с водителем? – насмешливо вскинул брови Саша. – И почему ты все решаешь за Алексея? С чего у тебя такая уверенность, что его мой подарок обидит или унизит? Ты его спрашивала?

– Нет, – призналась она, – не спрашивала.

– Так спроси. Или давай я сам спрошу. Леша!

– Ты что, не надо, – испуганно зашептала Настя, дергая брата за рукав и предвидя, чем может закончиться такой разговор.

Но было поздно. Леша аккуратно поставил на пол племянника, изображавшего воздушного гимнаста на длинных руках дядюшки, и подошел к ним.

– Леша, как ты отнесешься к тому, что у твоей жены появится машина?

– Какая машина? – спросил Чистяков вполне миролюбиво.

– Нормальный автомобиль, недорогой, но приличный. Естественно, новый.

Осторожным, но каким-то хирургически точным движением Леша протянул руку и буквально достал жену из-за спины Саши Каменского. Переместил ее поближе, поставил рядом, критически осмотрел ее и поправил завязанный на шее шелковый платок.

– Вот так, – удовлетворенно произнес он. – Теперь совсем красавица. Так что ты там насчет машины спрашивал?

Настя сразу все поняла и мгновенно успокоилась. Саша, однако, не понял ничего, поскольку знал Чистякова не двадцать восемь лет, как его сестра, а всего восемь. А с учетом отсутствия в течение последнего года так и всего семь выходило.

– Я говорю, как ты отнесешься к тому, что...

– Ах ты об этом, – с нескрываемой скукой перебил его Чистяков. – Подари ей книжку какую-нибудь поинтереснее, или сериал на кассетах, только длинненький, серий на тридцать-сорок, чтобы надолго хватило. Она от них хорошо засыпает. Каждый вечер по серии – месяц спокойного сна. Дорогие подарки женщина может принимать только от мужчины, с которым она спит. От мужа или от любовника. В данном конкретном случае, я надеюсь, только от меня.

– Но я же родственник! – возмутился Саша. – Причем близкий родственник. Что ты видишь в этом обидного? Ты – талантливый ученый, но ты же не виноват, что за это сегодня платят копейки. Почему твоя жена должна мотаться целыми днями по Москве на своих двоих, если у нашего государства бюджет такой хреновый?

Чистяков перевел внимательный взгляд на жену.

– Асечка, – в голосе его звучала искренняя забота, – тебе действительно тяжело ездить в разные концы? Ты сильно устаешь? Ты хочешь, чтобы у тебя была машина?

– Нет, что ты, – она исступленно замотала головой, будто интенсивность движений должна была подтвердить чистоту ее помыслов, – мне вовсе не тяжело. То есть, конечно, на самом деле тяжело, но на метро все равно быстрее получается, потому что пробки жуткие. Особенно зимой, когда дороги плохо убирают, снег, обледенение... Никакую машину я не хочу.

– Тогда зачем твой брат морочит мне голову?

Настя улыбнулась.

– Да это он так, для поддержания разговору.

Октябрьская вечерняя Москва была темной, мокрой и блестящей, как черный плащ во время дождя. Едва выйдя из дома, где жил брат, и сев в машину, Настя переключилась мыслями на убийство Елены Сафроновой. Юра Коротков прав, здесь сильно пахнет активной ролью мужа в лишении жизни беременной жены. Конечно, алиби у Егора Витальевича очень хорошее, многократно подтвержденное свидетелями и, что самое главное, поддающееся объективной проверке, но для таких случаев как раз и придуманы заказные убийства. Егор Сафронов решает избавиться от жены, нанимает исполнителя, дает ему комплект клю-

чей от квартиры Елены, и исполнителю остается только дожидаться, когда женщина в очередной раз придет взять что-нибудь из вещей. Войти в квартиру, воспользовавшись ключами и не производя лишнего шума, и убить ее. Ни тебе свидетелей, ни звонков в дверь и громких, на всю лестничную площадку, переговоров на тему «Кто там?» – «Слесарь». – «Я вас не вызывала». – «А вы все равно откройте», ни шумного взлома замка – словом, ничего, что может помешать убийце или впоследствии навести на его след. Ситуация идеальная и до гениальности простая.

А что с мотивом? Да тоже все несложно. Как ни силилась Настя, но не могла она поверить в то, что такой человек, как Егор Витальевич, вдруг ни с того ни с сего женится на женщине только потому, что один раз случайно переспал с ней и от этого она забеременела. Подобных ситуаций в его жизни наверняка было достаточно, но почему-то свадьбой они не заканчивались. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что оба предыдущих брака у Сафронова были бездетными, стало быть, заключались они вовсе не в связи с беременностью. Что же случилось в этот раз? Почему Сафронов поступил не так, как поступал раньше? Проснулось желание отцовства? Надо проверить. Но как?

А если никакого желания отцовства не было, а был обыкновенный шантаж со стороны Елены? Она хотела родить ребенка и вырастить его в достатке и при муже. Она заставила Егора жениться. Он сначала растерялся и пошел на поводу, потом поразмыслил и решил избавиться и от шантажистки, и одновременно от постылой жены и совершенно ненужного ему ребенка. Но почему не откупился? Ведь не бедный же человек. Конечно, не олигарх, но, если Елена захотела женить его на себе, стало быть, его уровень доходов ее вполне устраивал, значит, он вполне мог откупиться. Зачем же убивать? Не доверял? Боялся, что она получит деньги, а потом все равно сдаст его? При современном устройстве экономической жизни в стране предпринимателя всегда есть чем шантажировать. И это тоже надо проверять: есть ли за господином Сафроновым какие-нибудь грешки и могла ли Елена Щеткина о них узнать.

Господи, куда это ее мысль завела, в какие дебри? Какие у нее основания огульно подозревать Егора Витальевича Сафронова при полном отсутствии улик, свидетельствующих о его виновности? Никаких. Она, Настя Каменская, подозревает его просто потому, что не понимает, зачем он женился на администраторе своего салона красоты. Да мало ли чего она в этой жизни не понимает! Егор Сафронов – мужчина, и уже одно это дает ей все основания не полагаться на собственное понимание, ибо она – женщина, и у нее свои представления о мотивах, по которым мужчины вступают в брак. Не об этом ли несколько дней назад она толковала своим экзаменаторам? Именно что об этом, а теперь распушила хвост и негодуяще трясет им, дескать, как это так, женился по непонятным мне мотивам, не может такого быть, мотивы наверняка другие, раз я их не понимаю, то их и нет вовсе...

– Подруга, ты куда так углубилась, что тебя с аквалангом не достанешь?

Настя вздрогнула и очнулась. Батюшки, они уже до дома доехали, а она и не заметила!

– Леш, если я тебе скажу, о чем думаю, ты будешь долго смеяться, – заявила она с улыбкой.

– Уже начал. И о чем же?

Она вышла из машины, потянулась, глубоко вдохнула сырой, пропитанный запахом опавшей листвы воздух.

– О том, почему мужики женятся.

– А о том, почему они разводятся, ты не хочешь подумать? – ехидно осведомился муж.

– Хочу. И про женитьбы, и про разводы, и про убийства вместо разводов. Слушай, давай минут двадцать походим, воздухом подышим, а? А ты заодно изложишь мне свой мужской взгляд на проблемы брака и его расторжения. Солидно так, по-профессорски, системно.

Даже в темноте плохо освещенного двора Настя увидела, как Леша напрягся. Боже мой, они столько лет вместе, а он все еще боится, что она уйдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.